28/XII 22

28/XII 22



образования. „J. Am

9, № 3. — Подпись:

391—92'30

имическая технология

топлива. Газогенерат

ольное производство. Г

жижение минерального

зводство синтетическ

телей.

10. **Ададуров, И. Е.** [

ты испытания станн

катализатора на завод

стантиновском хим. з

ста.—Авторы: *И. Е.*

*ресков* и *Т. И. Соко*

II, 25-27 : 1628—30 С

И. А. Каталитическое

Ник. СУХАНОВЪ.




# НАШИ
# ЛѢВЫЯ ГРУППЫ и ВОЙНА.

4-е изданіе.

Мотивы «пріятія» войны лѣвыми группами. — Сокрушеніе германскаго милитаризма и «война за миръ».—«Завоеваніе» Европы и политическая гегемонія Германіи.—Освобожденіе малыхъ народовъ.—«Славянская идея».—Экономическое засилье.—Германскіе капиталы въ Россіи.—Торговая политика и «выгодный» торговый договоръ.—Промышленный импортъ и сел.-хоз. экспортъ.—Вывозныя свидѣтельства и синдикатскія преміи.—Экономическій имперіализмъ и «задачи на ближнемъ востокѣ».



ПЕТРОГРАДЪ.
1916.

Ник. СУХАНОВЪ.

# НАШИ

# ЛѢВЫЯ ГРУППЫ и ВОЙНА.

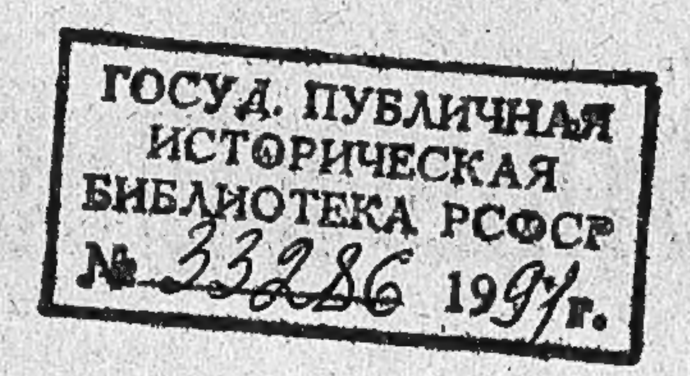


4-ое изданіе.




Мотивы «пріятія» войны лѣвыми группами. — Сокрушеніе германскаго милитаризма и «война за миръ».—«Завоеваніе» Европы и политическая гегемонія Германіи.—Освобожденіе малыхъ народовъ.—«Славянская идея».—Экономическое засилье.—Германскіе капиталы въ Россіи.—Торговая политика и «выгодный» торговый договоръ.—Промышленный импортъ и сел.-хоз. экспортъ.—Вывозныя свидѣтельства и синдикатскія преміи.—Экономическій имперіализмъ и «задачи на ближнемъ востокѣ».

ПЕТРОГРАДЪ.
1916.




Дозволено Военной Цензурой 9 марта 1916 г. за № 1947.




ПЕТРОГРАДЪ,
Тип. Е. М. Малаховскаго, Петроградъ, Петрогр. ст., Б. пр., 17.
1916.

## КЪ ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Мѣсяцъ, протекшій со времени выхода перваго изданія, не внесъ никакихъ измѣненій въ условія нашей общественной жизни и въ положеніе печати. Поэтому, къ крайнему сожалѣнію, я принужденъ выпустить второе изданіе почти безъ перемѣнъ, сохранивъ всѣ неточности, недоговоренности и, съ другой стороны, длинноты, которыми изобилуетъ брошюра и которыя уже дали обильную пищу нѣкоторымъ, особо добросовѣстнымъ, рецензентамъ.

---

## КЪ ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНІЮ.

То же самое объ условіяхъ изданія брошюры слѣдуетъ сказать и теперь. Что же касается рецензентовъ, то тутъ можно было бы кое-что добавить. — Предѣлы обсужденія общественныхъ вопросовъ, предоставленные нашей прессѣ военной цензурой, оказались слишкомъ широкими — по мнѣнію многихъ представителей тѣхъ «лѣвыхъ группъ», идеологія которыхъ разсматривается въ брошюрѣ. Эти «лѣвыя группы» желаютъ во что бы то ни стало имѣть монопольный голосъ и, какъ видно, рѣшили его добиться — не разбирая средствъ. Еще не было ничего, доселѣ неслыханнаго, въ пріемахъ рецензента газеты «Рѣчь»: тщательно избѣгая критики по существу, онъ просто указывалъ на «неудобство» принятаго авторомъ двусмысленнаго вида и «благожелательныхъ» кивковъ на офиціальныя сферы и Маркова 2-го; такой пріемъ дискредитированія политическихъ противниковъ свидѣтельствуетъ только о безсиліи критика.

Но дальше въ лѣсъ, больше дровъ. Чѣмъ очевиднѣе становились элементарныя положенія брошюры, чѣмъ больше вниманія ей удѣлялось, тѣмъ больше тревожила она совъ и филиновъ въ этомъ дремучемъ лѣсу алчности и шовинизма.—Одинъ изъ именитѣйшихъ представителей россійскаго либерализма счелъ себя вынужденнымъ, не касаясь существа брошюры, выступить съ прямыми «разоблаченіями» насчетъ проживанія по чужому паспорту. Другой рецензентъ, не столь именитый, но гораздо болѣе

«лѣвый», печатно подтвердилъ и комментировалъ это; онъ разъяснилъ, какъ и что надо—по его мнѣнію—понимать, что къ чему относится и не относится, и разоблачилъ «настоящую» физіономію «морочащаго головы» автора. Дабы сохранить всю прелесть и ароматъ характеристики, данной третьимъ писателемъ, я приведу подлинныя его слова о «брошюрѣ, написанной, можно сказать, по волчьи, но прикрывшейся подъ конецъ даже не овечьей, а собачьей шкурой; въ этой хихикающей въ кулакъ брошюрѣ авторъ подъ конецъ сталъ, можно сказать, на заднія лапки и умильнымъ видомъ заслужилъ снисхожденіе всей брошюрѣ».

Заговоривъ обо всѣхъ этихъ «отзывахъ», я вовсе не имѣлъ въ виду обратить вниманіе на современные литературные нравы. Совсѣмъ для меня не важно, что не умѣя и не пытаясь сказать двухъ словъ по существу, рецензенты стараются дискредитировать противника другими доступными имъ способами. Пусть первый твердитъ о «вздорности», «нелѣпости», «возмутительности», «омерзительности» и «самомъ тягостномъ впечатлѣніи»—совершенно умалчивая о содержаніи. Пусть второй просто на просто заявилъ: брошюра, лежащая передъ читателемъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что ея авторъ проходимецъ. Пусть третій сдѣлалъ совершенно неожиданное употребленіе изъ того факта, что самому ему нѣтъ никакой нужды прикрываться чьей либо *чужой* шкурой, чтобы быть принятымъ за стоящаго на заднихъ лапкахъ и монопольно проповѣдывать свои, «можно сказать», принципы; охранители всегда были полны словеснаго презрѣнія ко всякимъ «конспираціямъ» и всегда приглашали дѣйствовать «смѣло, честно и открыто». Все это не важно для меня, и я не сдѣлаю ни шагу для защиты своей личности отъ подобной литературы. Дѣло тутъ не въ чьемъ либо «добромъ имени» и не въ профессіональной этикѣ.

Но вѣдь было же время, когда и ренегаты умѣли обходиться безъ политическихъ доносовъ. Было же время, когда цвѣточки «Новаго Времени» встрѣчали вполнѣ единодушную реакцію со стороны передового общества. Нынѣ созрѣли ягодки въ *лѣвой печати*, которая хочетъ питать ими обывателя. Положеніе угрожающее. Куда приведетъ насъ это неслыханное паденіе—не профессіонально-литературныхъ—а *общественныхъ* нравовъ?.. Не пора ли остановиться?..

Лица, запятнавшія себя этими новыми пріемами политической борьбы—П. Б. Струве («Рус. Мысль», ноябрь, 1915),

Ник. Іорданскій («Совр. Міръ», ноябрь, 1915), Д. Заславскій—Homunculus («День», 22 дек. 1915). О «Новомъ Времени» можно бы не упоминать. Другихъ, надѣюсь, не нашлось у насъ и не найдется.

---

## КЪ ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНІЮ.

Въ настоящій моментъ брошюру можно было бы дополнить интереснымъ фактическимъ матеріаломъ о будущемъ «иноземномъ засильѣ» (къ стр. 68-70) въ связи съ парижской экономической конференціей союзниковъ и планами таможеннаго объединенія. Матеріалъ этотъ могъ бы только подтвердить и усилить общіе выводы брошюры. Но я предпочелъ не увеличивать ея размѣровъ и не нарушать соотношенія частей—тѣмъ болѣе, что вопросы, связанные съ парижской конференціей я разсмотрѣлъ съ достаточной подробностью въ другомъ мѣстѣ («Лѣтопись», апрѣль 1916).

Къ числу добросовѣстныхъ рецензентовъ нынѣ присоединилась редакція «Русскихъ Записокъ» (февраль 1916). Ею предъявленъ рядъ тяжкихъ обвиненій. Указывая на страницы 19-ю и 94-ю, рецензентъ отмѣчаетъ «совершенно непозволительный пріемъ литературной полемики», который, по мнѣнію редакціи, и «вызвалъ наиболѣе горячіе протесты»: «чтобы принизить либераловъ и демократовъ, г. Сухановъ готовъ воспѣть дифирамбы даже форменнымъ зубрамъ и рептиліямъ». Читатель найдетъ указанныя страницы и легко убѣдится, что я гоняюсь не за полемикой, а за «низкой истиной». Крайне жаль, что почтенная редакція говоря о «приниженіяхъ» и «дифирамбахъ» предпочитаетъ возвышающій душу обманъ.

Затѣмъ, — «конспирація» не оправдываетъ «пріемовъ». Щедринъ возмущался и мучился ходившей басней объ его мальчишеской выходкѣ передъ полиціей. «А вотъ теперь г. Сухановъ распѣваетъ гимны даже въ литературѣ». Непонятная «Рус. Запискамъ» разница, однако, въ томъ, что г. Суханову совсѣмъ не до мальчишескихъ выходокъ. Положеніе, напротивъ, крайне трагично, и именно оно вынудило его на крайнія литературныя средства. Произведеннаго мною «далеко не лишняго труда», никто другой, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не выполнилъ; и *иныхъ способовъ* его выполненія мнѣ никто до сихъ поръ не указалъ. Рецензенты

должны же сдѣлать изъ своихъ поношеній необходимый выводъ: надо молчать и отдать обывателя въ полную власть «совъ и филиновъ» изъ дремучаго лѣса. Я же въ такой обстановкѣ предпочелъ говорить *во что бы ни стало* и принять на свою голову всѣ удары со стороны «оскорбленной невинности». Я только полагалъ, что удары эти не пойдутъ дальше г. Изгоева; я думалъ, что другіе оцѣнятъ исключительное положеніе и отнесутся къ нему съ элементарной корректностью. Я ошибся и констатировалъ въ этомъ паденіе нравовъ.

Наконецъ, по словамъ «Рус. Зап.», я «обкарналъ» лѣвыя мнѣнія и искусственно создалъ «пятно глупости и подлости» вмѣсто дѣйствительныхъ «лѣвыхъ» воззрѣній. . .

. . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . .

. . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . .

. . . . . . . . . . . . . . . . . . . И смѣю увѣрить, что къ перечисленному рецензентомъ «букету» разнородныхъ писателей и дѣятелей я могъ бы присоединить съ тѣмъ же правомъ и рядъ почтенныхъ именъ изъ почтенныхъ «Русскихъ Записокъ».

Итакъ—обвиняемый сейчасъ во всякомъ случаѣ не можетъ дать публичныхъ удовлетворительныхъ объясненій. Пусть же этимъ пользуются и не умолкаютъ прокуроры.

*Авторъ.*

Война есть методъ, способъ, средство достиженія опредѣленныхъ условій національно-государственной жизни. Средство въ высшей степени тяжелое,—чрезвычайное, крайнее средство. Война есть бѣдствіе и зло, она влечетъ за собой неисчислимыя жертвы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ предполагается, что всѣ бѣдствія и жертвы должны окупиться осуществленіемъ тѣхъ задачъ, тѣхъ высшихъ цѣлей, во имя которыхъ война предпринята.

Какія же цѣли преслѣдуетъ Россія въ настоящей войнѣ? Точнѣе—какъ понимаются онѣ нашимъ „общественнымъ мнѣніемъ"?

Тѣ группы, которыя въ военную эпоху имѣли отверзтыми уста, говорили не иначе, какъ отъ имени націи. Какія же задачи онѣ приписывали народу и государству въ вооруженной борьбѣ съ германскимъ міромъ? Во имя чего Россія, въ ихъ представленіи, приноситъ и должна приносить безчисленныя военныя жертвы? „Пріемля" войну, какъ мотивируютъ, какъ обосновываютъ наши общественныя группы свое „пріятіе" со всѣми вытекающими изъ него послѣдствіями?

Вполнѣ естественно, что насъ интересуютъ, главнымъ образомъ, позиціи „прогрессивныхъ" (или „оппозиціонныхъ") группъ. Всѣмъ извѣстно, что до войны „лѣвые" элементы во всѣхъ странахъ были убѣжденными антимилитаристами. Правда, они отнюдь не отрицали принципа національной обороны. Но они всегда боролись противъ милитаризаціи бюджета, противъ роста „непроизводительныхъ" затратъ на армію и флотъ;

и во всякомъ случаѣ они всегда протестовали противъ войны, какъ средства разрѣшенія международныхъ споровъ и достиженія какихъ-либо активныхъ „національныхъ задачъ“. Было время, когда изъ этихъ же (либеральныхъ) круговъ исходила и лживая и неумная игра въ банкетный „пасифизмъ“, топившая крупицы истиннаго пониманія дѣла въ морѣ „хорошихъ“ словъ.

Нынѣ самый фактъ міровой войны произвелъ коренной переворотъ въ умахъ и позиціяхъ нашихъ либераловъ. Всѣ признаки, всѣ элементы былой „пасифистской“ идеологіи провалились сквозь землю. О нихъ не только не вспоминаютъ, но и не подозрѣваютъ самой возможности ихъ существованія въ эпоху торжества свирѣпаго Марса: нынѣ всѣ „пасифистскія“ стремленія, откуда бы они ни исходили, разсматриваются не иначе, какъ провокація. Такъ, борьбу огромной части германской соціальдемократіи и германскаго пролетаріата за прекращеніе войны, кадетскій офиціозъ, газета „Рѣчь“, безъ колебаній приравняла къ провокаціонной дѣятельности заграничныхъ агентовъ Бетмана - Гольвега.—Поскольку наши либеральныя группы стремятся воплотить принципъ національной обороны, все это можно считать въ порядкѣ вещей. Но дѣло радикально мѣняется, если войнѣ стремятся приписать тѣ или иныя активныя задачи. Въ этомъ случаѣ—міровая катастрофа либо произвела чрезвычайную передрягу въ „лѣвыхъ“ головахъ, либо сорвала съ нихъ маски. Понятно, что попытки либераловъ и демократовъ объяснить этотъ переворотъ, попытки обосновать свое „пріятіе“ войны, свое пониманіе „нашихъ національныхъ задачъ“, свое участіе въ ихъ рѣшеніи вооруженной силой—представляютъ для насъ первостепенный интересъ.

Къ сожалѣнію, въ литературѣ, посвященной войнѣ, мы не могли-бы указать ни одного произведенія, въ

которомъ цѣликомъ излагалась бы „военная“ система какой либо либеральной или демократической группы. Сообразно своимъ спеціальностямъ, умонастроеніямъ и интересамъ, одни авторы обосновываютъ свое „пріятіе“ съ одной точки зрѣнія, другіе—съ другой. „Пасифистски“ настроенные либеральные политики, философы и экономисты, застигнутые войною врасплохъ, принялись „оправдывать“ ее весьма усердно, но безсистемно — кто во что гораздъ. Дальше мы увидимъ, что въ процессѣ ѣды у нихъ, какъ водится, появился очень недурной аппетитъ. А такъ какъ для аргументаціи оставался большой просторъ, и въ случаѣ отсутствія аргументовъ было необходимо ихъ выдумывать, то дѣло дошло до того, что либеральные публицисты нерѣдко стали выдавать за объективныя цѣли войны свои собственныя, дотолѣ затаенныя желанія и завѣтныя мечты. Эта усердная патріотическая работа выразилась въ длинной вереницѣ брошюръ, журнальныхъ и газетныхъ статей, представляющихъ собой своего рода „монографіи“, которыя уже намъ самимъ придется расположить въ нѣкоторую систему.

Конечно, мы не задаемся цѣлью исчерпать и использовать здѣсь сколько-нибудь полно весь наличный матеріалъ. Матеріалъ этотъ заслуживаетъ детальной разработки; и со временемъ мы, несомнѣнно, будемъ имѣть не одно изслѣдованіе, посвященное русскому обществу въ эпоху великой войны. Но сейчасъ мы можемъ коснуться лишь нѣсколькихъ важнѣйшихъ пунктовъ системы „оправданія войны“ и обозрѣть наличный матеріалъ лишь въ самыхъ общихъ и грубыхъ чертахъ.

* * *

Какъ только война стала фактомъ, цѣли ея были указаны въ слѣдующихъ словахъ Высочайшаго Манифеста: „нынѣ предстоитъ заступаться за несправедливо обиженную

родственную страну" (Сербію) и „оградить честь, достоинство, цѣлость Россіи и положеніе ея среди великихъ державъ. Мы непоколебимо вѣримъ, что на защиту Русской земли дружно и самоотверженно встанутъ всѣ вѣрные наши подданные". „Видитъ Господь—заключалъ второй Высочайшій Манифестъ (по случаю объявленія войны Австріей),—что не ради воинственныхъ замысловъ и суетной мірской славы подняли мы оружіе, но, ограждая достоинство и безопасность Богомъ хранимой Нашей Имперіи, боремся за правое дѣло". Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ говорилъ предсѣдатель Гос. Думы въ историческомъ засѣданіи 26 іюля 1914 г.: „Мы всѣ хорошо знаемъ, что Россія не желала войны, что русскій народъ чуждъ завоевательныхъ стремленій, но самой судьбѣ было угодно втянуть насъ въ военныя дѣйствія. Жребій брошенъ, и во весь ростъ всталъ передъ нами вопросъ объ охранѣ цѣлости и единства государства".

Каковы бы ни были общія причины войны,—столкновеніе „міровъ", расъ, культуръ, династій, капиталовъ,—во всякомъ случаѣ задачи Россіи въ приведенныхъ словахъ указаны вполнѣ ясно и точно. Задачи эти—чисто оборонительныя, въ прямомъ и тѣсномъ смыслѣ этого слова. Цѣль Россіи—защита status quo, территоріальнаго, международно-политическаго и экономическаго, какъ для нашей имперіи, такъ и для родственной Сербіи. Никакихъ особыхъ національныхъ задачъ, которыя мы, поднимая оружіе, активно, по нашей собственной иниціативѣ, стремились бы разрѣшить методомъ войны, въ цитированныхъ офиціальныхъ документахъ не указано.

Точно такъ же на первыхъ порахъ восприняло войну и „общественное мнѣніе", поскольку оно выразилось въ органахъ печати, сохранившихся при новомъ положеніи. Правда, печатью того времени всецѣло владѣлъ патріо-

тическій пафосъ, энтузіазмъ, негодованіе, за которыми еще нельзя было уловить нотъ, такъ сказать, теоретическаго значенія. Г. Пуришкевичъ былъ тогда крайне близокъ къ истинѣ, когда, раздавая въ арміи „Русское Слово“, говорилъ, что вся наличная печать — „теперь одного направленія“. Слова выражали тогда одни чувства, а не мысли. Но въ первые дни за фейерверкомъ словъ все же проглядывало очертаніе именно той „оборонительной“ формулы, которая была приведена выше: на насъ напали — мы должны защищаться, пока послѣдній врагъ не оставитъ нашу территорію; мы должны сохранить цѣлость Россіи и ея status quo ante bellum,—въ этомъ была наша національная задача, наше достоинство и честь.

Казалось бы, все это не только ясно и безспорно для каждаго патріота, но и вполнѣ достаточно для „оправданія“, для пріятія войны либерализмомъ и всѣми „лѣвыми“ группами, не порвавшими съ идеей обороны. Мало того, для самихъ дѣйствующихъ массъ эти положенія, при ихъ простотѣ и элементарности, способны имѣть максимальную агитаціонную цѣнность. Дальше этихъ положеній, повидимому, не пойдетъ мысль рядового участника событій; и, казалось бы, дальше идти ей и незачѣмъ. Въ плоскости національнаго государственнаго мышленія, приведенныя слова Высочайшаго Манифеста даютъ войнѣ совершенно законченное и исчерпывающее объясненіе [1]). И задача нашихъ патріотическихъ либеральныхъ публицистовъ состояла, казалось бы, именно въ томъ, чтобы концентрировать вниманіе массъ на идеѣ національной обороны, охраны цѣлости и нераздѣльности имперіи, защиты политиче-

[1]) Національно-государственную позицію, въ отличіе отъ интернаціонально-классовой, свойственной старому «Интернаціоналу», мы довольно подробно разсмотрѣли въ другой брошюрѣ «Къ кризису соціализма» (по поводу «военныхъ» выступленій Г. В. Плеханова), Петроградъ, 1916.

скаго, территоріальнаго и международнаго status quo. Это былъ бы путь наиболѣе правильный—не только потому, что всѣ перечисленныя понятія суть послѣдняя инстанція, противъ которой нельзя найти никакихъ аргументовъ въ сферѣ національно-государственныхъ идей; не только потому, что понятія эти суть линія наименьшаго сопротивленія въ психологіи массъ и, идя по ней, можно достигнуть максимальныхъ агитаціонныхъ результатовъ,—но и потому, что ограничиваясь „оборонительной“ аргументаціей, наши либеральныя группы не проявили бы того совершенно исключительнаго отрѣшенія отъ чувства отвѣтственности за свое слово и дѣло, которымъ характеризуются ихъ „военныя“ выступленія. Сами лѣвые публицисты, бросаясь отъ одного аргумента къ другому, не обнаружили бы полнаго банкротства передъ лицомъ истины и здраваго смысла; родинѣ же и войнѣ, въ глазахъ народныхъ массъ, они не стали бы навязывать тѣхъ неосуществимыхъ цѣлей, какія каждому изъ нихъ было угодно на досугѣ измыслить.

Однако, въ указанныхъ предѣлахъ идеологія войны долго удержаться не могла. Вскорѣ началась теоретическая работа. И задачи войны, въ глазахъ печати, стали—чѣмъ дальше, тѣмъ больше—выходить за предѣлы, очерченные приведенными словами Манифеста.

Прежде всего, пафосъ и негодованіе противъ врага, естественно, привели къ всесторонней характеристикѣ „нѣмца“,—къ оцѣнкѣ (и понятно—какой оцѣнкѣ) его государственности, культуры, „національнаго духа“. Въ результатѣ—идеологія войны стала быстро углубляться. Война оставалась оборонительной, но оборонительность уже стала пониматься въ широкомъ, распространительномъ смыслѣ слова. Рѣчи шли уже не о защитѣ отъ даннаго нападенія, а о защитѣ себя и всего міра отъ особыхъ агрессивныхъ свойствъ германской

государственности, экономики и культуры. Рѣчи шли о защитѣ отъ „германизма", отъ покушеній Вильгельма завоевать своей странѣ міровую гегемонію. Для характеристики же грозящей опасности матеріалъ обильно черпался изъ области „нѣмецкихъ звѣрствъ", открывшихся при первыхъ шагахъ войны.

Ясно, что это углубленіе понятія обороны имѣло большое практическое значеніе. Оборона стала понятіемъ въ высшей степени активнымъ и при томъ только политическимъ, но уже ни въ какой мѣрѣ не стратегическимъ. Если дѣло идетъ не о status quo, не о защитѣ границъ, а о защитѣ отъ германской опасности, о сокрушеніи германскаго милитаризма, о ликвидаціи вѣчной угрозы европейскому міру,—то понятіе политической обороны еще остается въ силѣ, но грань между оборонительной и наступателяной войной совершенно стирается. Ибо какъ достигнуть свободы Европы и вѣчнаго міра? На это отвѣчали, напр., такъ: Австрія должна быть изъята изъ карты Европы, и Германія, какъ великая-держава, должна перестать существовать. По существу это, если угодно, можетъ быть и оборо-ной, но эта оборона требуетъ рѣшительнаго стратегическаго наступленія. „Меня заставляютъ завоевывать,—говорилъ Наполеонъ,—я завоевываю защищаясь".

Одновременно съ разработкой понятія защиты отъ угрожающаго германскаго владычества и милитаризма, печать добросовѣстно трудилась надъ выясненіемъ того, какихъ предѣловъ господства Германія уже достигла въ Россіи. Раньше, до войны, этимъ вопросомъ у насъ никто не занимался (кромѣ очень тѣсныхъ особо заинтересованныхъ круговъ). Теперь же оказалось, что наша терпимость и наша безпечность дали самые печальные плоды. Нѣмецкое засилье оказалось чрезвычайнымъ во всѣхъ областяхъ русской жизни. Объ экономикѣ нечего и говорить; засилье здѣсь идетъ по

всѣмъ статьямъ, и Германія выжимаетъ изъ насъ всѣ соки. Но и въ политикѣ, въ исторіи нашей реакціи, въ нашихъ политическихъ неустройствахъ—нѣмецъ, оказывается, игралъ огромную роль, о которой мы раньше и не подозрѣвали. Да и не только въ политическихъ, но и во всякихъ другихъ неустройствахъ — во всемъ, чѣмъ страшна, безсмысленна и нетолкова наша жизнь. Мудрено ли, что для картинности и свободы языка у насъ, одновременно справа и слѣва, было изобрѣтено особое понятіе „внутренняго нѣмца", виновника всего, что намъ не нравится. Матеріала о нѣмецкомъ засильѣ. стараніями газетъ, было за нѣсколько мѣсяцевъ собрано столько, что россійскіе либералы, а также и многіе демократы — отнынѣ по гробъ жизни будутъ раскаиваться въ своемъ прежнемъ почтительномъ отношеніи къ „германизму", въ своемъ прежнемъ миролюбіи и въ былыхъ антимилитаристскихъ тенденціяхъ.

А если нѣмецкое засилье, нѣмецкое владычество есть уже совершившійся фактъ, то дѣло не только въ оборонѣ отъ грядущихъ опасностей, но и въ освобожденіи отъ наличнаго зла. — Такъ война, въ толкованіи „патріотической" прессы, превращается изъ оборонительной въ освободительную. Здѣсь идеологія войны уже и не вспоминаетъ о status quo; какъ цѣль вооруженной борьбы, тутъ выдвигается достиженіе извѣстныхъ нормъ, болѣе благопріятныхъ для внутренняго развитія Россіи, чѣмъ нормы, существовавшія до войны. Рѣчь идетъ уже не о защитѣ отъ нападенія, не объ обезпеченіи мира и status quo на вѣчныя времена, а о достиженіи извѣстныхъ идеаловъ въ области нашихъ внутреннихъ отношеній, о нашемъ государственно-національномъ „раскрѣпощеніи".

Однако, и на этомъ идеологія войны остановиться не могла. Внутреннія освободительныя (отъ нѣмца) задачи не могли не осложниться задачами въ области

міровой политики. Отношенія Россіи къ Сербіи, воззваніе къ полякамъ Верховнаго Главнокомандующаго, успѣхи русскихъ войскъ въ Галиціи—давали поводъ распространять освободительную миссію войны съ самихъ себя на другіе народы, страдающіе подъ чужеземнымъ игомъ. Въ этихъ освободительныхъ задачахъ многіе стали видѣть основной смыслъ войны. Выступленіе же Турціи снова расширило горизонты нашихъ либеральныхъ публицистовъ и политиковъ; открытіе турецкаго „наслѣдства“ помимо „идеалистическихъ“ міровыхъ задачъ войны, поставило на очередь обсужденіе „нашихъ реальныхъ интересовъ“ въ міровой политикѣ; оно развязало языки по вопросу о нашихъ „національныхъ задачахъ“ на ближнемъ востокѣ и позволило нашимъ либералъ-имперіалистамъ поставить, наконецъ, всѣ точки надъ і.

Вся эта разработка идеологіи войны была закончена уже въ первое ея полугодіе. Насколько достигла цѣли, насколько удачна по существу была эта работа—мы посмотримъ дальше. Но всѣ ея этапы уже были пройдены ко времени второй „военной“ сессіи Государственной Думы (27 января 1915 г.), когда г. Родзянко, въ отличіе отъ своей первой рѣчи, формулировалъ смыслъ войны слѣдующими словами: „Оздоровленный народный духъ усилилъ мощь народнаго самосознанія (?) и ясное пониманіе имъ своей исторической задачи. И въ простотѣ чистой и вѣрующей души своей поднялся русскій людъ до величайшаго героизма и самозабвенія. Съ крестомъ въ груди и въ сердцѣ, по призыву своего царя, не дрогнувъ передъ врагомъ, сознательно выполнитъ онъ царскій завѣтъ и откроетъ Россіи пути къ разрѣшенію завѣщанныхъ ей предками задачъ на берегахъ Чернаго моря и устранитъ вѣчную угрозу нѣмецкихъ державъ общему миру и спокойствію“.

Слѣдующій ораторъ 27-го января, предсѣдатель со-

вѣта министровъ, не ограничилъ, а углубилъ рѣчь г. Родзянка, подтвердивъ, что „все отчетливѣе обрисовывается передъ нами свѣтлое историческое будущее Россіи—тамъ, на берегахъ Чернаго моря, у стѣнъ Царьграда“.

Какъ видимъ, понятіе освободительной войны уже явно не охватываетъ всѣхъ тѣхъ задачъ, какія приписываются ей нѣкоторыми общественными группами.

Намъ предстоитъ сейчасъ пробѣжать по всей лѣстницѣ аргументовъ, составляющихъ въ своей совокупности систему „оправданія войны“ нашимъ либерализмомъ. Намъ, очевидно, не удастся пересчитать всѣ ступени этой довольно длинной лѣстницы. Но все же мы постараемся остановиться хотя бы на каждой площадкѣ, на каждой узловой станціи,—постараемся отмѣтить каждую группу мотивовъ либерально-демократическаго „пріятія“ войны, отдать дань каждой „военной“ идеѣ, породившей свой циклъ аргументовъ.

Въ общемъ мы видѣли, что эта аргументація разрабатывается въ двухъ направленіяхъ—по линіи „духовнаго смысла“ и по линіи „матеріальныхъ“ задачъ войны. Правда, строгаго дѣленія тутъ провести нельзя: во-первыхъ, найдутся мотивы, взрощенные на нейтральной почвѣ, а во-вторыхъ—поскребите Донъ-Кихота изъ „Рѣчи“ и „Русской Мысли“, и вы нерѣдко докопаетесь до благородныхъ чертъ курскаго зубра и до образины Китъ-Китыча. Слова вѣдь даны для того, чтобы скрывать мысли. Но для насъ, при изученіи либеральной „военной“ системы, дѣло не столько въ мысляхъ сколько именно въ словахъ. Задача наша состоитъ именно въ томъ, чтобы докопаться до настоящаго смысла хорошихъ либеральныхъ словъ, которыя монопольно говорятся отъ имени націи. Поэтому, въ общемъ мы будемъ придерживаться именно указанной схемы изло-

женія: сначала взглянемъ на либеральныя представленія въ области „духовнаго смысла“, а затѣмъ въ области „матеріальнаго“ смысла войны.





* * *

Въ годовщину войны по всей Англіи происходили митинги и принимались резолюціи; въ нихъ выражалось, между прочимъ, „непреклонное рѣшеніе продолжать до побѣдоноснаго конца борьбу и защиту тѣхъ идеаловъ свободы и справедливости, которые являются общимъ и священнымъ дѣломъ всѣхъ союзниковъ“. Въ этихъ словахъ, если угодно, уже заключается указаніе на смыслъ войны. Но ясно, что, подписавшись подъ нимъ, мы никакъ не могли бы имъ ограничиться. На митингахъ, послѣ рѣчей, аппеллирующихъ къ чувствамъ слушателей, этого указанія, можетъ быть, и достаточно. Но мы, аппеллируя къ логикѣ и фактамъ, конечно, должны признать его слишкомъ общимъ и слишкомъ мало содержательнымъ. Этимъ его свойствомъ пользуется и другая воюющая сторона, также говоря о правѣ, объ идеалахъ свободы и справедливости.

Поставивъ себѣ цѣлью выяснить конкретный смыслъ войны въ представленіи нашихъ либераловъ и демократовъ, мы должны обратиться къ болѣе дѣловой и содержательной оцѣнкѣ значенія происходящихъ событій. Въ общихъ формулахъ мы должны отыскать указанія на конкретныя задачи войны.

Важнымъ пунктомъ обычныхъ либеральныхъ декларацій является—необходимость борьбы „до конца“ съ германской политической и экономической гегемоніей. Эта борьба имѣетъ „духовный“ смыслъ, поскольку рѣчь идетъ о гегемоніи политической, при которой „былъ бы невозможенъ въ Европѣ политическій и куль-

турный прогрессъ на началахъ свободы и права" [1]). Вопросъ ставится о защитѣ отъ Германіи національной государственности и національной культуры европейскихъ народовъ. Это аргументъ, конечно, весьма серьезный, и мы должны очень пожалѣть о томъ, что когда мы обратимся къ его оцѣнкѣ, мы будемъ лишены всякой возможности исчерпать этотъ вопросъ до конца.

Однако, чаще выставляютъ Германію не въ видѣ возможнаго гегемона, а просто въ видѣ „вѣчной угрозы европейскому міру", въ видѣ сильнаго, но безпокойнаго сосѣда, вооруженнаго „до зубовъ" и готоваго въ любой моментъ броситься на ту добычу, которая болѣе или менѣе плохо лежитъ. И выводы отсюда—не столько борьба за національныя цѣнности Европы, сколько необходимость сокрушенія германскаго милитаризма, для обезпеченія вѣчнаго мира.— Мы въ первую голову и обратимся къ двумъ этимъ пунктамъ.

Въ началѣ войны лозунгъ „долой германскій милитаризмъ" пріобрѣлъ чрезвычайную популярность. Имъ пестрила любая — газетная, журнальная, книжная— страница, изготовленная въ первые 3—4 мѣсяца войны. Нетрезвыя головы, особенно „лѣвыя", забывъ всю свою старую науку, приписали военный взрывъ особенностямъ германской политической системы; а вмѣстѣ съ тѣмъ, извращая всѣ перспективы, онѣ взялись ликвидировать милитаризмъ путемъ военнаго разгрома Германіи. Вспомнимъ, напр., о воззваніи французскихъ соціалистовъ къ рабочимъ, своевременно перепечатанномъ въ русской прессѣ (въ передачѣ П. Т. А.). „Мы, соціалисты,—говорилось въ этомъ воззваніи,—знаемъ, за что мы боремся. Мы боремся за то, чтобы... прусскій

---

[1]) См. одну изъ краснорѣчивѣйшихъ декларацій такого рода— ст. проф. Кокошкиина въ № 135 «Рус. Вѣдомостей» за 1915 г. «Организація побѣды».

милитаризмъ пересталъ угнетать свободное развитіе націи, чтобы эта война была послѣдней, и чтобы миръ, не лживый вооруженный миръ, но истинный миръ между свободными народами воцарился въ Европѣ,... чтобы рабочіе, выносящіе на своихъ плечахъ все бремя вооруженій, могли бы, наконецъ, вздохнуть свободно, и за то, чтобы въ мірѣ появилась, наконецъ, справедливость, и чтобы наши внуки могли не опасаться возвращенія насилія и варварства" (П. Т. А., отъ 14 дек. 1914 г.).

Болѣе правые элементы вообще смотрятъ на сущность милитаризма гораздо болѣе правильно; они всегда были полны презрѣнія къ „пасифистскимъ" утопіямъ либераловъ, говоря, что войны связаны съ самыми основами существующаго общественнаго порядка, и милитаризмъ не исчезнетъ, „пока существуетъ міръ". Такого рода отрезвленіе, послѣ первыхъ мѣсяцевъ угара, испытали и лѣвые. Лозунгъ борьбы съ „германскимъ милитаризмомъ" быстро померкъ и увялъ до расцвѣта—не успѣвъ получить сколько-нибудь прочнаго теоретическаго обоснованія. Теперь къ нему, какъ къ мотиву „пріятія" войны, обращаются уже настолько рѣдко, что намъ въ сущности нѣтъ нужды удѣлять ему много вниманія.

Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ было удержаться этому лозунгу?.. Вотъ что проповѣдуетъ, напр., руководящій органъ французскаго крупнаго капитала („Temps") въ своихъ непрестанныхъ заботахъ объ отрезвленіи горячихъ лѣвыхъ головъ: „Поистинѣ странно, что соціалисты, понимающіе, подобно другимъ гражданамъ, высшіе интересы отечества, начинаютъ плести ни вѣсть что, какъ только дѣло идетъ о томъ, чтобы закрѣпить разультаты войны". Но каковы же должны быть эти результаты, подлежащіе закрѣпленію? Результаты эти, а вмѣстѣ съ тѣмъ и задачи войны, между прочимъ,

таковы. „Чтобы германскому кабану выбить клыки... достаточно вырвать и отнять у Германіи каменноугольныя копи, которыми она обладаетъ въ черезчуръ большомъ изобиліи, и отдать ихъ Франціи, гдѣ ихъ, наоборотъ, очень мало". „Это — единственное средство, при помощи котораго можно было бы произвести разоруженіе Германіи". Комментируя одну брошюру американскаго автора, „Temps" ставитъ послѣднему въ заслугу, что „не останавливаясь на вопросахъ расы, языка и традицій, онъ идетъ до конца въ своихъ заключеніяхъ и пропагандируетъ присоединеніе къ Франціи всего Вестфальскаго района". „Еще не насталъ моментъ, — заключаетъ „Temps", — обсуждать территоріальныя условія мира между союзными державами и тѣми имперіями, которыя объявили имъ войну... Но вопросъ о національностяхъ, но задача завершенія объединенія народностей не должны исключительно поглощать вниманіе будущаго конгресса. На немъ придется изучать всю совокупность другихъ условій,— экономическихъ, морскихъ, промышленныхъ, торговыхъ,—которые пріобрѣли первостепенное значеніе въ жизни государствъ и въ ихъ взаимоотношеніяхъ. Если не обратятъ на нихъ вниманія, то самые замѣчательные успѣхи войны не будутъ имѣть завтрашняго дня и останутся безплодными, если еще не подвергнутъ мнимаго побѣдителя опасности страшной жажды реванша со стороны побѣжденнаго" [1]).

Все это даетъ прекрасныя комментаріи не только по вопросу о „войнѣ за миръ", но и по отношенію къ

[1]) «Temps» отъ 18 апр. 1915. Цит. по «Рус. Запискамъ», ст. Русанова въ № 65 за 1915 г. Кромѣ того обращаю особое вниманіе читателей на статью А. Лозовскаго, единственную въ русской печати, гдѣ излагаются цѣли войны въ толкованіи французскихъ имперіалистовъ. См. журналъ «Лѣтопись», декабрь 1915 г. «Литература о будущемъ мирѣ».

„національному принципу“ и другимъ „идеалистическимъ“ задачамъ.

Наши русскіе либералы также стали трезвѣе смотрѣть на вещи; и нынѣ было бы уже несправедливо выдавать за офиціальный мотивъ ихъ „пріятія“ стремленіе сокрушить германскій милитаризмъ для установленія вѣчнаго мира. Вотъ что читаемъ мы, послѣ года войны, въ офиціальномъ кадетскомъ органѣ, въ газетѣ „Рѣчь“, въ одной изъ программныхъ ея передовицъ. „Война до конца есть единственный правильный лозунгъ трезваго политическаго разсчета. Потому что всякій „гнилой“, на спѣхъ, отъ „слабости нервовъ“ заключенный миръ былъ бы только короткимъ и обманчивымъ перемиріемъ. Потому что, оставивъ всѣ поднятые войной „проклятые“ вопросы не рѣшенными, онъ только подготовилъ бы новые пожары и новыя человѣческія гекатомбы“. Если не суждено сдѣлать войну послѣдней, то добьемся, по крайней мѣрѣ, возможно болѣе прочнаго мира для будущихъ поколѣній. Принесемъ для этого еще какія угодно жертвы, но „за то сойдемъ со сцены исторіи со спокойнымъ и чистымъ сознаніемъ, что „пріемля“ войну и работая на войну, мы были настоящими пасифистами“.

Добрая ссора, говорятъ намъ, лучше худого мира. И люди уже не обманываютъ ни себя, ни другихъ: вѣчнаго мира разгромомъ Германіи не достигнуть; милитаризмъ создалъ не Вильгельмъ и не германскій „національный духъ“. Люди начинаютъ припоминать тѣ старыя истины, что милитаризмъ имѣетъ глубокія корни въ существующихъ общественныхъ отношеніяхъ и что ихъ не вырвать разгромомъ милитаристской страны, какъ не искоренить психическихъ заболѣваній разгромомъ „сумасшедшаго дома“. Не въ примѣръ либераламъ и многимъ соціалистамъ, сравнительно близко къ истинѣ было „Русское Знамя“, когда писало: „уни-

чтожить милитаризмъ вообще врядъ ли возможно. А если онъ останется, то не все ли равно, какой онъ будетъ,—нѣмецкій ли, турецкій, сѣверо-американскій"... Въ общемъ, сокрушеніе германскаго милитаризма, какъ мотивъ „войны до конца", могло держаться лишь въ періодъ наивныхъ увлеченій, въ періодъ полнаго господства чувства и фразы надъ логикой и здравымъ смысломъ. Нынѣ этотъ мотивъ явно отжилъ свой вѣкъ, и мы можемъ пойти дальше.

„Истинные же пасифисты" изъ „Рѣчи", какъ видно изъ приведенной цитаты, нынѣ добиваются не вѣчнаго мира и не сокрушенія милитаризма. Они провозглашаютъ нынѣ девизъ: si vis pacem, para bellum—девизъ столь же старый, какъ каннибальство: если врага скушать, то воевать будетъ не съ кѣмъ, и наступитъ миръ. Эта плодотворная мысль выражается такими словами: послѣдующія войны можно будетъ оттянуть надолго въ томъ случаѣ, если „проклятые вопросы, выдвинутые войной", будутъ рѣшены въ благопріятномъ смыслѣ...

Итакъ, установивъ, что война ведется нашими либералами не для ликвидаціи милитаризма и не для вѣчнаго мира, мы должны обратиться къ самимъ „проклятымъ вопросамъ", выдвинутымъ войной.

* *
*

Мы уже упомянули о борьбѣ противъ германской политической гегемоніи, грозящей подавить независимое національное—государственное и культурное—развитіе европейскихъ народовъ. Какъ же именно мыслится эта опасность въ конкретныхъ чертахъ? Къ сожалѣнію, для отвѣта на этотъ вопросъ никакого матеріала (кромѣ страшныхъ словъ) намъ не дано. Останавливаться на данномъ пунктѣ съ достаточной подробностью намъ рѣшительно не позволяютъ обстоятельства. Однако, попытаемся въ двухъ словахъ конкретизировать вопросъ.

Не идетъ ли здѣсь рѣчь о всемірной германской

имперіи и о превращеніи Берлина въ политическую столицу Европы? Не предвидится ли возникновеніе новой всеевропейской Австро-Венгріи, лоскутами которой будутъ служить великіе народы и государства? Не предполагается ли превращеніе всесильныхъ парламентовъ передовыхъ странъ въ органы областного самоуправленія, зависимые отъ центральной власти въ Берлинѣ?... Подобныя перспективы едва ли принимали сколько-нибудь осязательныя формы даже въ самой пылкой фантазіи германскихъ націоналистовъ въ минуты ихъ самыхъ праздныхъ мечтаній [1]). Поистинѣ,

[1]) Одинъ изъ такихъ смѣлыхъ мечтателей, нашумѣвшій своей фантазіей и своей алчностью германскій имперіалистъ Рорбахъ, имѣющій весьма «офиціозный» голосъ — и тотъ не идетъ въ своихъ «планахъ» дальше территоріальнаго «мірового передѣла». При этомъ даже аннексированную Бельгію Рорбахъ предлагаетъ «уступить» Франціи взамѣнъ бельгійскаго Конго. Ни о какихъ покушеніяхъ на исконныя территоріи великихъ народовъ нѣтъ и рѣчи. Или вотъ послѣднія «условія мира», предлагаемыя уже вполнѣ «офиціозными»—консервативной и націоналъ-либеральной партіями, въ разгаръ германскихъ военныхъ успѣховъ. «Радикальное исправленіе французской границы отъ Бельфора до побережья. Экспропріація рудниковъ и копей въ аннектированныхъ земляхъ. Устраненіе французскаго населенія присоединенныхъ провинцій отъ имперской политики. Военная контрибуція, достаточно крупная, чтобы не допустить финансированія Франціей новыхъ враговъ Германіи. Аннексія Бельгіи, автономія Польши, аннексія Прибалтійскаго края. Экономическій союзъ Германіи съ Австріей и Турціей, распространяющійся и на Балканы». См. «Рѣчь» отъ 12 авг. 1915. Аппетитъ при ѣдѣ, какъ видимъ, сильно увеличился. Однако, и тутъ не допускается мысли о «завоеваніи» великихъ народовъ или хотя бы большихъ населенныхъ ими областей. Германія же, къ счастью, населена не одними представителями «черноголубого» блока: многія ея либеральныя группы, а главное ея организованный пролетаріатъ рѣшительно выступаютъ противъ всякихъ аннексій. Не забудемъ объ этомъ. Если же говорить объ имперіалистахъ, то во Франціи они идутъ гораздо дальше, чѣмъ въ Германіи. Отъ германскихъ государствъ ими не оставлено ни слѣда, и всѣ части свѣта подѣлены на совершенно новыхъ основаніяхъ. Но говорить объ этомъ у насъ не принято. См. ту же статью въ «Лѣтописи».

велики отъ страха глаза у тѣхъ, кому мерещится намѣстникъ Вильгельма въ Парижѣ, германскій генералъ-губернаторъ въ Петроградѣ и вице-король въ Лондонѣ...

Вообще же, по поводу этой утопіи, мы должны вспомнить о слѣдующихъ довольно элементарныхъ, но очень важныхъ обстоятельствахъ. Независимость государственныхъ формъ и свобода національнаго развитія это совсѣмъ не одно и то же. Полная политическая самостоятельность страны далеко не предполагаетъ свободы проявленій ея національныхъ цѣнностей, силъ и свойствъ ея духовной (какъ и матеріальной) культуры. Свобода національно-культурнаго развитія, ростъ націи, въ подлинномъ смыслѣ этого слова, опредѣляется не фактомъ политической независимости государства, не его мощью, не его величиной и международнымъ вѣсомъ, а свойствами его политической организаціи.

Намъ нѣтъ нужды повторять столь же ходячія нынѣ, сколь спорныя утвержденія, что объединеніе Германіи и превращеніе ея въ великую міровую державу сопровождалъ не ростъ, а паденіе ея національной культуры. Но возьмемъ безспорныя факты. Можно ли сомнѣваться, что независимость нѣмецкой части Швейцаріи отъ ея французскихъ и итальянскихъ кантоновъ, а тѣмъ болѣе присоединеніе ея къ германской монархіи — весьма вредно отразилась бы на національномъ развитіи тѣхъ группъ германскаго народа, которыя населяютъ Швейцарію? Правда, нѣмцы въ Швейцаріи составляютъ большинство. Но ни швейцарскіе французы, ни даже итальянцы, совершенно подавляемые большинствомъ „иноплеменниковъ“ въ своей странѣ, не обнаруживаютъ ни малѣйшаго тяготѣнія къ „сепаратизму“, къ созданію собственной государственности или къ объединенію въ единые политическіе организмы съ сосѣдями-единоплеменниками. Точно такъ же нельзя сомнѣваться, что Польша, какъ элементъ свободной Россіи, представ-

ляла бы изъ себя гораздо болѣе благопріятныя условія національнаго развитія польскаго народа, чѣмъ самодовлѣющая олигархическая, аристократическая или плутократическая Польша. Отсюда задача—не отдѣлить Польшу, не создать для нея возможность собственной государственности quand même, а создать свободныя политическія условія для ея національнаго развитія — безразлично, въ самостоятельномъ или въ политически зависимомъ государствѣ или въ предѣлахъ политическаго цѣлаго, объединяющаго нѣсколько націй.

Другими словами, дѣло не въ самодовлѣющей государственности, а во внутреннемъ строеніи государства, въ степени развитія началъ свободы и демократизма. Конечно, съ нами не согласятся ни многіе представители русскаго либерализма, ни оффиціальные выразители интересовъ малыхъ угнетенныхъ народовъ. И конечно, они не преминутъ объявить, что мы подавляемъ, а не защищаемъ національный принципъ.—Свободная или независимая Польша? Мы говоримъ: свободная, хотя бы и политически не самостоятельная. Другіе скажутъ: независимая, и пусть никому изъ „иноземцевъ“ не будетъ дѣла до ея свободы. Спорить на этотъ счетъ мы не станемъ. Это дѣло вкуса, вѣрнѣе—общаго соціальнаго міровоззрѣнія, точнѣе—классовой позиціи. Спорить тутъ нельзя. Предыдущія замѣчанія имѣли цѣлью просто указать исходныя точки нашихъ разсужденій. И надо думать—sapienti sat: борьба за независимое и свободное національное развитіе есть борьба за демократизмъ противъ классоваго господства; методы этой борьбы суть *обычные методы классовой борьбы и никакіе иные*...

Но вѣдь опасность, о которой идетъ рѣчь, скажутъ намъ, состоитъ не просто въ политическомъ подчиненіи, а въ подчиненіи великихъ народовъ прусскому полу-полицейскому режиму, который въ завоеванныхъ

странахъ покажетъ себя лицомъ. Это очень важное соображеніе. Правда, Франція, съ ея черепашьимъ соціальнымъ движеніемъ, не имѣетъ до сихъ поръ подоходнаго налога; клерикальная Бельгія не имѣетъ всеобщаго избирательнаго права; а нынѣ капитулировавшій передъ реакціей англійскій либерализмъ копировалъ германскіе образцы рабочаго законодательства. О другихъ странахъ и другихъ режимахъ мы говорить не станемъ. Но какъ бы то ни было, методы установленія желательнаго режима намъ хорошо извѣстны. Они не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, примѣненіе котораго хотятъ обосновать.

Однако, слово „завоеватели" дѣйствительно нельзя употреблять безъ ковычекъ. Повторяемъ, мы все время имѣли дѣло съ безпочвенной фантазіей, созданной неизвѣстно для какихъ цѣлей въ результатѣ непомѣрной растерянности. Ни о какомъ политическомъ подчиненіи великихъ народовъ рѣчи быть не можетъ. И гораздо патріотичнѣе поступаютъ тѣ, кто не прибѣгаетъ къ нелѣпому и безпочвенному приниженію нашей государственно-національной мощи и говоритъ не о политическомъ „порабощеніи", а просто о грозящей гегеможіи Германіи. Это совсѣмъ другое дѣло. Это означаетъ нарушеніе существующаго европейскаго „равновѣсія", пріобрѣтеніе Германіей рѣшающаго международнаго вліянія. Такой возможности, въ случаѣ побѣды германскихъ государствъ, никакъ нельзя отрицать. Необходимо только уяснить себѣ, съ какой точки зрѣнія это важно и требуетъ всѣхъ военныхъ жертвъ... Однако, здѣсь мы явно выходимъ изъ области „духовнаго" смысла, „идеалистическихъ" цѣлей войны, такъ какъ „сферы вліянія", ихъ разграниченіе и ихъ завоеваніе имѣютъ экономическую подкладку. Воинствующій капиталъ и вѣдаетъ дѣло „равновѣсія" и „гегемоніи"...

Выше я отмѣтилъ, что наши націоналъ-либералы, говоря о борьбѣ за свободу и независимость, обыкновенно избѣгаютъ оперировать при этомъ съ какимъ-либо конкретнымъ матеріаломъ; чтó именно разумѣютъ подъ этими благами и какого положенія стремятся избѣжать, намъ не указываютъ. Когда же указываютъ, то придаютъ этому совершенно неожиданный смыслъ. Вотъ, напр., что пишетъ и самъ подчеркиваетъ одинъ изъ виднѣйшихъ обоснователей „духовнаго смысла“ войны, кн. Евг. Трубецкой, въ „Рус. Вѣдомостяхъ“: „Россія... борется за независимость всѣхъ странъ Европы, коимъ грозитъ германское завоеваніе и владычество. Пусть же эта война приведетъ и къ обезпеченію ея собственной независимости! Вѣдь, именно, какъ вопросъ о независимости Россіи, ставится теперь вопросъ о проливахъ. Совершенно очевидно, что нейтрализовать ихъ, значитъ, создавать для насъ полную—и экономическую и политическую зависимость отъ Германіи“. — Тутъ не знаешь, чему удивляться,—такъ полно все „патріотизма“, глубокомыслія и знанія дѣла. Читателю, сколько бы онъ ни думалъ, никогда не понять, какимъ образомъ, получивъ проливы послѣ разгрома Германіи, мы столкнемся въ Средиземномъ морѣ... съ той же Германіей. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, *что такое независимость*, которую мы должны завоевать. Относительно проливовъ П. Н. Милюковъ заявилъ, что „пріобрѣтеніе Босфора и Дарданеллъ въ полное обладаніе Россіи“ было поставлено на очередь не чѣмъ инымъ, какъ „вступленіемъ Турціи въ число нашихъ враговъ“ [1]). Ну, а если бы турецкое правительство оказалось немного благоразумнѣе, и проливы продолжали бы оставаться — не нейтральными, а

---

[1]) См. сборникъ «Чего ждетъ Россія отъ войны», стр. 57. Петроградъ 1915 г.

турецкими? Что же вывело бы насъ тогда изъ дважды „полной зависимости“... отъ Германіи?.. Предсѣдатель Гос. Думы, полный патріотическихъ чувствъ, воскликнулъ при открытіи третьей „военной“ сессіи: „Россія не можетъ быть ничьей рабой!“ Либеральный же публицистъ и профессоръ — тоже изъ „патріотизма“? — увѣряетъ насъ, что Россія была всегда рабой и взываетъ объ ея освобожденіи „войной до конца“ — завоеваніемъ проливовъ. Принять ламентаціи Трубецкого за чистую монету явно невозможно. А вмѣстѣ съ тѣмъ — поскрести либеральные лозунги о гегемоніи и независимомъ развитіи не значитъ ли вообще вскрыть ихъ истинную волчью природу?..

* * *

Защита государственной независимости русскаго народа, угрожать которой не подъ силу и десятку Вильгельмовъ, впрочемъ, и не является центральнымъ пунктомъ либеральной аргументаціи въ области „духовнаго смысла“ войны. Этотъ аргументъ скорѣе играетъ роль жупела. Основной же духовный смыслъ происходящихъ событій видятъ въ иномъ.

„Духовный смыслъ“ войны вообще обслуживаютъ по преимуществу наши право-либеральные элементы, въ равной мѣрѣ склонные къ метафизикѣ и къ „реальной политикѣ“. Элементы эти, съ одной стороны, примыкаютъ къ „Русской Мысли“, руководимой такимъ „чистымъ продуктомъ“ ново-европейской культуры, какъ г. П. Струве; съ другой стороны, они имѣютъ базу въ московскомъ славянофильствующемъ религіозно-философскомъ обществѣ, — причемъ талантливый глашатай военно-духовно-византійскихъ истинъ, тотъ же Евг. Трубецкой, имѣетъ постоянную трибуну въ кадетскихъ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“. Не надо думать,

что петроградскіе „европейцы“ и московскіе востокофилы разноголосятъ. Петръ Струве своевременно „пресуществилъ“ Великую Россію во Святую Русь; новоевропейскій интернаціонализмъ уже сполна капитулировалъ передъ старо-славянскимъ національнымъ мессіанствомъ; и еще на страницахъ „Современника“, В. Базаровъ доказывалъ съ полной убѣдительностью, что духовной „идеологіи“ русскаго имперіализма, въ сущности, совершенно негдѣ искать прибѣжища, кромѣ какъ въ славянофильскихъ идеалахъ прошлаго столѣтія. Ниже мы будемъ имѣть случай привести открытыя признанія этого факта.

Обращаясь къ центральнымъ идеалистическимъ цѣлямъ войны въ пониманіи нашихъ либераловъ, мы должны, однако, замѣтить слѣдующее. Дѣйственныя группы либеральныхъ политиковъ (кадеты), не протестуя противъ военно-духовной разработки проблемы своими товарищами и даже при случаѣ пользуясь ихъ аргументами — все же предпочитаютъ имѣть дѣло съ матеріальной стороной нашихъ „національныхъ задачъ“. Правда, конечные выводы этихъ теоретиковъ и практиковъ — одни и тѣ же; и московскій методъ пропаганды можетъ имѣть не малый успѣхъ въ соотвѣтствующей обывательской аудиторіи, падкой, подобно извѣстному гончаровскому слугѣ, на мало-понятныя, но трогательныя слова. Однако, съ другой стороны, къ разработкѣ „военной“ системы въ религіозно-философскихъ обществахъ кадетамъ-практикамъ нельзя относиться безъ крайней осторожности и опаски: діалектическія упражненія метафизиковъ въ области политики могутъ быть чреваты непріятными медвѣжьими услугами. За ними нуженъ глазъ да глазъ.

Собственно говоря, чистую „военную“ метафизику, представляемую г.г. Эрномъ, Булгаковымъ и др., и находящую, надо думать, не малый кругъ читателей (см.

изданную Сытинымъ серію брошюръ: „Война и Культура“), мы оставимъ въ сторонѣ. Ну, что намъ дѣлать съ такими, напр., разсужденіями г. Бердяева по поводу войны о „русской душѣ“: „Русскій народъ хочетъ быть землей, которая невѣстится, ждетъ мужа... Власть русской бюрократіи въ русской жизни была внутреннимъ нашествіемъ нѣметчины. Нѣметчина какъ-то органически вошла въ русскую государственность и владѣла женственной и пассивной русской стихіей. Земля русская не того приняла за своего суженаго, ошиблась въ женихѣ... Чуждъ русскому народу имперіализмъ въ западномъ и буржуазномъ смыслѣ этого слова, но онъ покорно отдавалъ свои силы на созданіе имперіализма, въ которомъ сердце его было заинтересовано. Здѣсь скрыта тайна русской исторіи и русской души... Раскрытіе мужественнаго духа въ Россіи не можетъ быть прививкой къ ней серединной западной культуры. Русская культура можетъ быть лишь конечной, лишь выходомъ за грани культуры. Мужественный духъ потенціально заключенъ въ Россіи пророческой, въ русскомъ странничествѣ и русскомъ исканіи правды. И внутренно онъ соединится съ женственностью русской земли“ [1]). Даже славянофильство и „сердечный“ имперіализмъ г. Бердяева намъ здѣсь нисколько не интересны: слишкомъ мало вся эта словесность можетъ имѣть отношеніе къ тѣмъ силамъ, которыя вызвали войну, и къ тѣмъ дѣйствительнымъ цѣлямъ, которыя въ ней осуществляются. Вся подобная литература разсчитана на слишкомъ специфическій вкусъ. Разсмотрѣніе ея слишкомъ далеко увело бы насъ отъ всякой политики въ чисто академическія области. Да наконецъ примѣшивать все это къ обосно-

---

1) См. Ник. Бердяевъ «Душа Россіи», М. 1915, «Война и культура».

ванію либеральныхъ позицій, къ „реальной политикѣ“ кадетовъ и многихъ демократовъ было бы просто несправедливо.

Но существуетъ и политическая метафизика, имѣющая самое непосредственное отношеніе къ либеральному пониманію задачъ и смысла войны. Война называется освободительной не столько потому, что великіе народы и, въ частности, Россія борются въ ней за свою національную независимость, сколько потому, что четверному согласію приписывается стремленіе освободить малые народы отъ поглощенія крупными, возсоздать ихъ государственность или, по крайней мѣрѣ, избавить ихъ отъ чужеземнаго національно-политическаго гнета. Таковы, по мнѣнію нашихъ либеральныхъ публицистовъ и политиковъ, основныя идеалистическія цѣли войны. Вотъ какъ опредѣляются онѣ устами Евг. Трубецкого: „Обладая огромной территоріей, Россія не заинтересована въ ея увеличеніи: политика захватовъ можетъ причинить намъ не пользу, а только вредъ; намъ нужно не умножить, а только сохранить наши владѣнія“ (мы только что читали у того же автора о пріобрѣтеніи проливовъ въ наше полное владѣніе, какъ объ единственномъ пути къ нашему освобожденію отъ рабства; то было писано послѣ выступленія Турціи, а это раньше; но не будемъ придираться,—сейчасъ дѣло не въ этомъ. Н. С.). „Но именно стремленіе къ сохраненію достоянія отцовъ,—продолжаетъ кн. Трубецкой,—этотъ территоріальный консерватизмъ... дѣлаетъ Россію естественной защитницей и покровительницей слабыхъ и угнетенныхъ народностей, всѣхъ тѣхъ, кому грозитъ поглощеніе и порабощеніе... Защита слабыхъ и воскрешеніе малыхъ народовъ, поглощенныхъ сильными,—такова историческая задача, волею судебъ навязанная Россіи... Мы сражаемся за права національностей вообще, за самый

національный принципъ въ политикѣ въ полномъ его объемѣ".

Какъ было говорено выше, національный принципъ не слѣдуетъ смѣшивать съ принципомъ государственности—освобожденной, возрожденной или вновь созданной. Допустимъ, что кн. Трубецкой ихъ и не смѣшиваетъ. Но спрашивается, гдѣ доказательства, что Россія, при данныхъ условіяхъ ея историческаго развитія, должна ставить себѣ подобныя задачи и осуществлять ихъ подобными средствами? „Естественной защитницей дѣлаетъ Россію... территоріальный консерватизмъ". Совершенно непонятно—ни что это такое, ни почему это налагаетъ на Россію такое бремя. Но это не главное. Главное—гдѣ доказательства, что подобныя задачи дѣйствительно ставятся и осуществляются? Кн. Трубецкой далъ намъ пока лишь декларацію. А гдѣ же хоть тѣнь обоснованія? Вѣдь пока это, если не методъ агитаціи, то лишь либеральныя мечты. А гдѣ же малѣйшій фактическій матеріалъ? Вмѣсто обоснованія и матеріала Е. Трубецкой ограничивается грознымъ предостереженіемъ: „Какъ только мы измѣнимъ нашему знамени, какъ только вмѣсто того, чтобы освобождать и защищать другіе народы, Россія начнетъ поглощать и угнетать ихъ, народы возстанутъ противъ нея, какъ они теперь возстаютъ противъ Германіи: отказаться отъ своей освободительной миссіи для нея значитъ обречь себя на гибель духовную, а въ концѣ концовъ и матеріальную" [1]).

[1]) См. «Война и міровая задача Россіи». М. 1915. Аналогичный маниловскій вздоръ говоритъ о цѣляхъ войны изъ «лѣвыхъ» г. Качоровскій, въ странной статьѣ въ «Ежемѣс. Журн., № 8—9 за 1915 г. «Жизнь деревни». Было бы, однако, жаль, если бы историкъ русскаго общества въ эпоху войны прошелъ мимо этого «лѣво-народническаго» произведенія. Не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести изъ него нижеслѣдующія прелестныя выдержки. Ручаюсь, что ни о чемъ подобномъ читатель до войны не грезилъ.

Реторическая угроза, конечно, никому не страшна: ни отъ какихъ подобныхъ причинъ Россія ни матеріально, ни духовно не погибнетъ. Но скажите, неужели въ приведенной альтернативѣ и заключается весь тотъ „духовный" багажъ, который даетъ либераламъ право мобилизовать Россію вокругъ данныхъ „идеалистическихъ" лозунговъ?.. Если такъ, то надо удивляться смѣлости „отвѣтственной оппозиціи" передъ будущимъ судомъ исторіи. Если не такъ, то на чемъ же основана ихъ смѣлость и ихъ отвѣтственность за ихъ лозунги?

Фактическій матеріалъ относительно „національнаго принципа" свидѣтельствуетъ о томъ, что либеральные политики совершенно произвольно навязываютъ происходящей борьбѣ несвойственныя ей, но „симпатичныя" имъ задачи. Понятно, что подробно характеризовать этотъ матеріалъ мы не имѣемъ возможности. Да онъ,

---

Вотъ что пишетъ г. Качоровскій: «Изъ всѣхъ схватившихся теперь въ борьбѣ не на жизнь, а на смерть народовъ только Россія выставила сельско-крестьянское войско противъ промышленно-городского. Ясно, какое огромное значеніе имѣютъ для боевой силы арміи физическія и духовныя качества основной массы ея солдатъ; общеизвѣстно, какъ велика разница, и физическая. и духовная, между населеніемъ промышленно-городскимъ и сельскимъ и, значитъ, очевидно, какъ сильно вліяетъ на ходъ борьбы эта рѣзкая разница въ составѣ войскъ русскаго и его противниковъ. Эта разница всецѣло въ пользу Россіи... По условіямъ своей жизни и по характеру своего труда крестьянство представляетъ физически гораздо болѣе свѣжую, здоровую и сильную человѣческую массу, чѣмъ промышленно-городское населеніе. Всѣ его органы здоровѣе, слухъ и зрѣніе острѣе, мускулы сильнѣе, и уже по этому одному оно даетъ намъ болѣе сильныхъ и выносливыхъ солдатъ. Таковы же преимущества на войнѣ и крестьянской психики: здоровые нервы, спокойствіе, терпѣніе, упрямство, даютъ имъ очень большой шансъ, особенно въ современной войнѣ»... Но всего этого мало: «войну ведетъ не только преимущественно крестьянство, но и преимущественно м і р с к о е к р е с т ь я н с т в о... Ясно, какое глубокое соціальное воспитаніе получила русская крестьянская масса отъ этой своей «опчественной», «мірской» самодѣятельности... По-

въ сущности, достаточно общеизвѣстенъ. Мы коснемся только немногихъ пунктовъ.—Вотъ, напримѣръ, хотя и весьма не „малая“, но слабая китайская нація. Со стороны Россіи ея независимости, правда, отнынѣ ничто не угрожаетъ: на нашей дальневосточной политикѣ война поставила крестъ. Но будетъ ли она способствовать свободному національному развитію Китая?.. Ясно, что мы здѣсь платимъ дань не національному принципу, а японскому имперіализму — за дружественныя услуги четверному согласію во время войны... Японскій ультиматумъ, предъявленный Китаю въ началѣ 1915 года, далеко оставляетъ за собой знаменитый австрійскій ультиматумъ, отъ котораго—какъ Москва отъ копеечной свѣчки—загорѣлась великая война. „Національный принципъ“ Китая пришлось не защитить, а выдать головой.

Затѣмъ, возьмемъ обстоятельства, связанныя съ выступленіемъ Италіи. Итальянцы мотивировали свое выступленіе необходимостью освободить изъ подъ австрійскаго владычества своихъ единоплеменниковъ;

---

нятно, что и теперь въ разразившейся войнѣ, потребовавшей крайняго напряженія всѣхъ народныхъ силъ, крестьянскій міръ опять играетъ огромную, глубокую внутренную роль»—въ тылу, и при мобилизаціи, и «на самой войнѣ, на позиціяхъ»... Года два назадъ редакторъ, получивъ рукопись съ такимъ «обоснованіемъ народничества», не на шутку встревожился бы за здоровье автора. Теперь онъ нашелъ, что изъ народническихъ теорій и принциповъ сдѣлано надлежащее и достойное ихъ употребленіе... Впрочемъ, этотъ редакторъ, очевидно, страдаетъ отъ безсонницы изъ-за лавровъ «Совр. Міра», который ему необходимо перещеголять по части неслыханныхъ доселѣ пріемовъ расправы съ идейными противниками. Въ противовѣсъ гг. Алексинскому и Іорданскому, г. Миролюбовъ выпустилъ г. Бибика съ такого рода тирадами: «Когда я слышу непротивленца, я не вѣрю ему! я знаю, что онъ первый задушитъ меня, если я даже нечаянно наступлю ему на ногу. Или онъ трусъ и высокіе принципы нужны ему для сокрытія этой трусости. Или онъ просто наглецъ, ибо знаетъ, что его жизнь и его благополучіе сохраняются жизнью другихъ» (стр. 510). Отвѣчать вѣдь нельзя. Вотъ какія нынче времена и нравы!

они ставили на видъ австрійское „покровительство другимъ національностямъ въ ущербъ итальянцамъ“. Что же это за другія національности, и не являются ли онѣ привиллегированнымъ меньшинствомъ? Всѣмъ извѣстно, что въ провинціяхъ, на которыя претендуетъ Италія,—въ Истріи, Далмаціи и др., во-первыхъ, меньшинство составляютъ, наоборотъ, итальянцы, а во вторыхъ, что большинство состоитъ тамъ изъ славянскихъ народностей. „И оказывается, — справедливо отмѣчалъ недавно Н. С. Русановъ, — что Италія объявляетъ войну Австріи какъ бы за то, что послѣдняя не желала давать возможности итальянцамъ подавлять ради своихъ національныхъ интересовъ гораздо болѣе значительное славянское населеніе... Горькій юморъ разлитъ въ томъ обстоятельствѣ, что, вступая въ освободительную войну, которая началась во имя защиты одной изъ маленькихъ славянскихъ національностей отъ тевтонскаго насилія, Италія дѣлаетъ центральнымъ пунктомъ своихъ жалобъ какъ разъ ту политику Австріи, которая охраняла славянъ отъ подавленія ихъ итальянскимъ меньшинствомъ“ [1]). Національный принципъ вообще и „славянскій“, въ частности, здѣсь не защищаются, а опять таки выдаются головой. Это—вполнѣ естественная дань итальянскому имперіализму за союзную помощь въ войнѣ, преслѣдующей, очевидно, иныя цѣли. И, замѣтимъ въ скобкахъ, этимъ наша дань Италіи едва ли можетъ ограничиться: чтобы заставить итальянскія войска вступить въ страну, съ которой формально еще находился въ силѣ многолѣтній („тройственный“) союзъ,—указанной компенсаціи едва ли достаточно. Повидимому, нашей политикѣ на ближнемъ востокѣ придется испытать тѣ же давленія, какія должна оказать на дальнемъ востокѣ компенсація Японіи,

[1]) См. «Русскія Записки», іюнь 1915 г., стр. 289. Петроградъ.

особенно — если компенсировать придется и Румынію и Грецію, или вмѣсто Греціи—ту же Италію.

Далѣе, если цѣлью войны выставляется защита національнаго принципа въ Польшѣ, то тутъ явно какое то недоразумѣніе. Вѣдь подъ тевтонскимъ владычествомъ находится ничтожная часть польскаго народа. Вѣдь Царство Польское находилось и находится подъ скипетромъ русскаго Царя. О какомъ освобожденіи польской націи можетъ идти рѣчь? Если считать, что Польша доселѣ была подъ гнетомъ, то при чемъ въ ея освобожденіи война съ ея „стратегическими пріемами?" [1]).

Галиція и Арменія, правда, въ иномъ положеніи чѣмъ нашъ привислянскій край; онѣ—подъ иноземнымъ владычествомъ. Но здѣсь отсутствію либеральныхъ гарантій уже можно было бы противопоставить достаточный фактическій матеріалъ. Ограничимся словами г. Милюкова въ Гос. Думѣ, произнесенными послѣ оставленія Галиціи нашими войсками и властями. Эти слова могутъ вообще резюмировать вопросъ о войнѣ и „національномъ принципѣ". „Игра на темныхъ націоналистическихъ инстинктахъ массъ, съ обычнымъ орудіемъ этой борьбы, съ антисемитизмомъ, съ борьбой противъ „инородцевъ" и иновѣрцевъ, получила небывалый просторъ подъ прикрытіемъ нуждъ военнаго времени... Несчастный еврейскій народъ, охваченный въ началѣ войны общимъ патріотическимъ одушевленіемъ, сдѣлался предметомъ какого-то систематическаго издѣвательства. Нельзя иначе назвать огульное обвиненіе цѣлой народности въ предательствѣ и измѣнѣ", за которымъ „послѣдовали изъ того же узко партійнаго источника, прикрывавшагося военными полномочіями, небывалыя мѣры круговой отвѣтственности за несовершенныя преступленія, мѣры, напоминающія дикія времена

[1]) Читатель помнитъ, что такъ было названо однимъ изъ правыхъ депутатовъ воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго.

глубокаго средневѣковья и унижающія насъ во мнѣніи всего образованнаго свѣта. При существованіи закона о вѣротерпимости, мы присутствовали при гоненіяхъ за религіозныя убѣжденія,.. потому только, что миссіонеры объявили ихъ вѣру нѣмецкой вѣрой. Мы присутствовали при невѣжественной и наивной попыткѣ посягнуть на національность и вѣру населенія только что пріобрѣтенной провинціи, для управленія которой были посланы отбросы русскаго провинціальнаго чиновничества; эти новыя ташкентцы оттолкнули отъ насъ родственное намъ украинское населеніе. Они пытались затемнить лучезарный ликъ великой освободительной войны, они посягнули на одушевляющій насъ и нашихъ союзниковъ идеалъ грядущей самостоятельности малыхъ народностей... Г. г., въ дни борьбы государствъ, защищающихъ свободу и право малыхъ народностей, съ государствами-насильниками, такія явленія составляютъ кричащій диссонансъ, который огорчаетъ друзей и вызываетъ злорадство враговъ"... (Цит. по „Рѣчи", № 198 за 1915 г.).

Вотъ такъ у насъ всегда: сначала припишутъ другимъ свои благочестивыя намѣренія, а потомъ негодуютъ за ихъ неисполненіе. Люди не только донкихотствуютъ, но и возлагаютъ за это отвѣтственность на другихъ... Въ общемъ, положеніе совершенно ясно. Дѣйствительныя задачи войны осуществляются и будутъ осуществляться своимъ порядкомъ—не взирая на то, какой смыслъ будетъ угодно вложить въ нихъ тѣмъ или инымъ „реальнымъ политикамъ". Не въ мѣру простодушные или не особенно искренніе—они всегда будутъ находить тутъ „кричащіе диссонансы" со своими собственными пожеланіями. Само по себѣ это было бы для насъ не интересно. Но... вѣдь для народа, вѣдь съ практическими цѣлями все это говорится.

* * *

„Духовный смыслъ“ войны, въ толкованіи нашихъ либераловъ, заключается не только въ оборонительно-освободительныхъ задачахъ, о которыхъ мы говорили. Существуютъ духовныя „задачи“ и въ области міровой политики. Существуетъ у Россіи международная культурно-политическая миссія, которую можно и должно реализовать въ условіяхъ настоящей катастрофы. Очевидно, что по существу—это задача имперіалистская. Если же намъ говорятъ, что по смыслу она — духовная, то ясно, что рѣчь идетъ о панславизмѣ. Ибо, какъ сказано, некуда больше дѣваться философіи россійскаго имперіализма.

Намъ нѣтъ никакой нужды далеко забираться въ эту философію. Вѣдь наша цѣль — не спорить съ либеральной идеологіей войны, а просто снять цвѣтистые покровы съ тѣхъ хорошихъ словъ, которыя говорятся для сокрытія мыслей. Надо только показать „въ натурѣ“ либерала, выкликающаго свои лозунги — и спорить будетъ не о чемъ и не за чѣмъ. Въ данномъ же случаѣ вещи называются своими именами, товаръ показывается лицомъ, разсчитанъ онъ на любителя, охотниковъ много не найдется, большого вреда допотопная словесность не принесетъ—и пусть по существу въ ней разбираются авторы, избравшіе болѣе академическія темы [1]). Для насъ совершенно достаточно просто отмѣтить одинъ изъ мотивовъ либеральнаго „оправданія“ войны—мотивъ, самъ за себя говорящій и ни для кого, кромѣ его провозвѣстниковъ, не убѣдительный, мотивъ, борьба съ которымъ не стоитъ чернилъ. Отмѣтить же его все таки необходимо для полноты перечня.

Панславизмъ, бурно хлынувшій изъ московскихъ архивовъ, образовалъ у насъ двѣ-три мелкихъ заводи,

[1]) Я уже упоминалъ о прекрасныхъ статьяхъ В. Базарова «О современномъ идеологическомъ кризисѣ», — см. «Современникъ», май—октябрь 1915 г.

въ которыхъ съ удовольствіемъ копошатся нѣсколько десятковъ россійскихъ „размагниченныхъ интеллигентовъ“ и „гамлетизированныхъ поросятъ“. Расцвѣсти панславизму пришлось ad hoc—въ угоду Марсу. И вполнѣ естественно, что его пришлось наскоро, кое-какъ модернизировать, перекинуть мостикъ отъ древне-азіатскаго „духовнаго“ мессіанизма къ ново-европейскому матеріальному имперіализму,—словомъ сдѣлать дворянскій кафтанъ истинно-русскаго Хомякова впору буржуазному космополиту г-ну Струве. Для того, чтобы показать, какой видъ приняла нынѣ реставрированная панславистская система, мы сошлемся на одну любопытнѣйшую статью „Русской Мысли“, которая, повидимому, резюмируетъ военно-духовныя исканія нашихъ національ-либераловъ. Статья эта любопытна не только тѣмъ, что она представляетъ собой послѣднее слово византійской мудрости: мы имѣемъ здѣсь не частый случай наблюдать, какъ искренній и культурный либералъ-обыватель, „пріявшій“ войну безъ всякихъ мыслей, безъ всякихъ предварительныхъ попытокъ ее осмыслить,—потомъ тутъ же, на глазахъ публики, выбивается изъ силъ, стараясь уяснить самому себѣ, зачѣмъ и почему онъ это сдѣлалъ. Авторъ статьи, г. Дм. Муретовъ, тщательно изыскиваетъ среди существующихъ и мыслимыхъ доводовъ пріемлемые для него мотивы „оправданія“ войны. Отвергнувъ всѣ ихъ за несостоятельностью, онъ остается у... разбитаго корыта славянофильства, для котораго онъ придумалъ искусственныя подпорки и орнаменты въ стилѣ модернъ. Иной „правды нашей войны“ (такъ озаглавлена статья) нашъ искренній либералъ отыскать не могъ [1]).

Бурныя страсти первыхъ недѣль войны теперь давно улеглись. Мысль заработала спокойнѣе. Прошли

---

[1]) См. «Рус. Мысль», іюнь 1915 г.

„первые дни войны, когда сознаніе было охвачено не столько жаждой единомыслія, сколько жаждой единой воли". „И захотѣлось разобраться въ томъ, что пережито... Война была принята и оправдана передъ судомъ неосвященныхъ сознаніемъ глубинъ личности,— оставалось (?) оправдать это рѣшеніе разумомъ передъ лицомъ своего міровоззрѣнія и своей совѣсти... Возникъ основной вопросъ: либо отвергнуть свой порывъ, признать его отзвуками отживающей психической организаціи, либо закрѣпить это душевное настроеніе въ твердыхъ понятіяхъ". Авторъ справедливо отмѣчаетъ, что „здѣсь для интеллигентскаго русскаго сознанія была не малая трудность". И онъ начинаетъ свой анализъ прекрасными словами: „Если мы принимаемъ войну, то и дѣлаемъ ее. А если дѣлаемъ, то на всякомъ изъ насъ лежитъ такая же нравственная отвѣтственность за нее, какъ будто отъ него одного зависитъ остановить сражающіяся арміи или двинуть ихъ въ тотъ мучительно долгій бой, который охватилъ въ наши дни еще невиданныя въ исторіи войнъ пространства. Исторію дѣлаютъ всѣ вмѣстѣ, но отвѣчаетъ за нее передъ совѣстью своей во всей полнотѣ в с я к і й"...

Однако, едва приступивъ къ дѣлу, авторъ принужденъ констатировать, что въ арсеналѣ готовыхъ идей и понятій не хватало именно тѣхъ, которыя могли бы послужить такому осознанію („пріятія войны"). Классифицировать всѣ сужденія—высказанныя въ печати, въ рѣчахъ и въ лекціяхъ—нѣтъ возможности. Желая указать лишь „нѣсколько типичныхъ направленій, по какимъ пошли объясненія", авторъ въ сущности подписывается подъ тѣмъ, что все наше общество, подобно ему самому, не знало мотивовъ и цѣлей своего „пріятія"; и по „типичнымъ направленіямъ" оно шло ощупью, ища линій наименьшаго сопротивленія. „Первое основное направленіе съ первыхъ же дней завоевало себѣ

особое мѣсто въ газетахъ подъ общимъ названіемъ „нѣмецкихъ звѣрствъ“. Нѣмцы оказались варварами и злодѣями, они вандалы XX вѣка, а Вильгельмъ—Аттила, вождь вандаловъ (историческія свѣдѣнія у газетъ не особенно тверды); борьба съ ними есть борьба за гуманность, и этотъ трафаретъ былъ принятъ далеко не одними „шовинистами“ и „зоологическими националистами“, но и „передовыми“ органами печати“... Какъ человѣкъ, способный къ членораздѣльной рѣчи, авторъ, конечно, считаетъ подобныя мотивы за явное testimonium paupertatis. „Звѣрства“, открытыя post factum, когда война уже началась, никакъ не могли оправдать самого начала. „Мысль о крестовомъ походѣ противъ нѣмцевъ, потому что они варвары, конечно, слишкомъ наивна“; и можно только удивляться попыткамъ „сблизить эти факты („нѣмецкихъ звѣрствъ“) съ самой сутью переживаемыхъ событій“.

Менѣе примитивно, но не болѣе состоятельно второе направленіе мыслей. „Война вызвана тѣми психическими особенностями, которыя развились въ нѣмцахъ за послѣднее полстолѣтіе. За эти годы въ Германіи развился духъ милитаризма, націонализма, преклоненія предъ абсолютизмомъ государства и т. п. Коротко говоря, нѣмцы были признаны носителями всего того, что искони привыкла бранить русская интеллигенція“... Такими путями „не трудно было освятить борьбу съ нѣмцами“; „всякій могъ найти свой излюбленный жупелъ и металлъ: одни могли сокрушать милитаризмъ, другіе — въ корнѣ подрывать націонализмъ“ и т. д. Сами мы хорошо знаемъ цѣну этимъ жупеламъ и металламъ. Но мы видимъ, что нынѣ все это ни въ какой мѣрѣ не удовлетворяетъ и публициста „Русской Мысли“, у котораго достаточно встревожена совѣсть, чтобы ревностно искать для себя оправдательныхъ мотивовъ, и достаточно спокоенъ умъ, чтобы не принимать за тако-

вые мотивы полуграмотныхъ выкриковъ бульварныхъ и „передовыхъ“ газетъ.

Болѣе глубокой представляется нашему автору „попытка теоретической критики самыхъ основъ нѣмецкой культуры“. Рѣчь идетъ о работѣ „московскихъ философскихъ кружковъ“ и знакомыхъ намъ г.г. Эрна, Булгакова и др. Но и ихъ (метафизическая) постановка вопроса не удовлетворяетъ г. Муретова съ разныхъ сторонъ; она кажется ему совершенно „ненужной для правильнаго пониманія смысла событій и для установки нашего къ нимъ отношенія“.

И, наконецъ, вполнѣ справедливо авторъ считаетъ пустыми словами ходячія утвержденія, что въ настоящей войнѣ дѣло идетъ „о нашемъ историческомъ бытіи“: „нѣкоторыя газеты, желая подчеркнуть особенное значеніе настоящей войны, усвоили для нея названіе отечественной. Этимъ признается, что защищаемой цѣнностью является самое существованіе Россіи. Нельзя не видѣть въ такомъ утвержденіи грубаго преувеличенія. Столкновеніе ни съ однимъ изъ государствъ, по счастью, уже не можетъ грозить Россіи гибелью“...

И вотъ, пробившись попусту не мало времени и, какъ это ни странно, какъ это было для него ни просто, не найдя готовыхъ идей, которыя могли бы оправдать его „пріятіе“ войны,—г. Муретовъ приступаетъ къ самостоятельному творчеству. Ничего не подѣлаешь: война „принята“, и если нѣтъ въ арсеналѣ подходящихъ для нашего метафизика мотивовъ, то надо ихъ выдумать. И нашъ авторъ выдумалъ славянофильское разбитое корыто. „И для Россіи, и для Германіи оказалось легче принять войну, чѣмъ отказаться отъ выставленныхъ требованій. Оказались задѣтыми какія то цѣнности, поступиться которыми ни мы, ни они уже не могли. Что же это были за цѣнности?.. Международное право есть, собственно говоря, лишь право междугосудар-

ственное, и построено оно на нѣкоторой фикціи". Наша формально-юридическая правота можетъ оправдать только „объявленіе войны, но не самую войну, поведеніе правителей, а не дѣяніе народовъ... Историческая реальность есть народы", которые въ историческомъ развитіи „вырастаютъ изъ охраняемыхъ междугосударственнымъ правомъ государственныхъ формъ, — начинается война, хаосъ и безправіе съ юридической точки зрѣнія, — огневое крещеніе и высшій судъ для народовъ". Это — первая посылка. Вторая: „наша связь съ Сербіей строилась не на конференціяхъ; она закрѣплена была въ средѣ недоступной и неуловимой для международнаго права и, два раздѣльныхъ народа, мы хранимъ сознаніе причастности къ чему то общему, и защищая это общее въ сербахъ, мы защищаемъ нѣчто свое, защищаемъ настоящее и будущее своей народности. Русскій націонализмъ (сознательное служеніе своей народности) не случайно былъ всегда славянофильскимъ, и не случайно національныя движенія среди славянскихъ народовъ были и будутъ всегда руссофильскими [1]). Славянство безъ Россіи безсильно, безъ нея оно есть племя, а не народъ. Русскій же націонализмъ безъ славянства пустъ. Лишь поднявшись до націонализма, русскій народъ могъ выйти за предѣлы и почувствовать жизнь и интересы другихъ славянскихъ народовъ, какъ свои собственные"... А вотъ и естественный выводъ: „та основная цѣнность, во имя которой начата наша война, есть историческая роль русской народности, которая въ своемъ ростѣ вышла за предѣлы племенного своего бытія и стремится къ міровой роли... Сознаніе своего права защищать эту цѣнность даже передъ лицомъ ущерба, наносимаго чужимъ народнымъ цѣнностямъ, даетъ русскому обществу разумное оправ-

[1]) Позиція Болгаріи нынѣ особенно хорошо иллюстрируетъ это положеніе.

даніе переживаемаго имъ патріотическаго подъема, т. е. даетъ ему сознаніе правды нашей войны".

Итакъ, вотъ въ чемъ заключается „послѣднее средство". Высшая, опредѣляющая цѣнность названа своимъ именемъ: это политическій (духовный, конечно же, духовный) имперіализмъ. И назвавшись груздемъ, мы нынѣ уже не отказываемся лѣзть покорно въ кузовъ: русскій имперіализмъ уже и не выдается ни за что иное, какъ за старое славянофильское мессіанство.

Правда, въ приведенной благонамѣренной аргументаціи, какъ будто, не все благополучно. Во-первыхъ, кто же, въ самомъ дѣлѣ, отвѣчаетъ за возникновеніе войны? Вѣдь не Вильгельмъ же озаботился „исторической ролью русской народности"... А затѣмъ и затруднительно будетъ каждому представителю „русскаго общества" увѣровать во всю эту схоластику—въ эти увѣренія кабинетнаго сочинителя, что война и впрямь началась поэтому и ведется для этого. Но самого автора и его друзей всѣ эти измышленія все же утѣшаютъ. И то хорошо. Чѣмъ бы ни тѣшились совѣстливые люди...

Спорить намъ не о чемъ. Suum cuique. Важно только договориться и понять другъ друга до конца. Нынѣ все ясно. И довольно съ насъ „духовнаго смысла".

Либеральное толкованіе матеріальнаго смысла войны, въ сущности, гораздо важнѣе для насъ: во-первыхъ, оно можетъ быть по существу довольно убѣдительнымъ для нѣкоторыхъ вліятельныхъ группъ и классовъ; во-вторыхъ, агитація на „матеріальной" почвѣ развита несравненно сильнѣе и имѣетъ гораздо большее вліяніе среди обывательскихъ массъ.

* * *

Аргументы въ „матеріальной" плоскости имѣютъ точно также оборонительный, освободительный и, такъ сказать, „міровой" характеръ. Слѣдовательно, и здѣсь

намъ придется имѣть дѣло съ тѣми же формальными категоріями „нашихъ національныхъ задачъ“. Подъ руками у насъ имѣется и типичная декларація, рисующая общій матеріальный смыслъ войны въ пониманіи „лѣвыхъ“ писателей.

„...Страна побѣжденная—страна раззоренная,—пишетъ г. Іорданскій... Всѣ торговые договоры были бы пересмотрѣны побѣдителемъ и продиктованы имъ заново въ своихъ политическихъ (?) интересахъ. Промышленность Россіи можетъ попасть въ оковы, которыя не дадутъ ей развиваться, страна окажется въ экономическомъ плѣну у побѣдителя и превратится въ колонію, эксплуатируемую побѣдителемъ. Побѣда Германіи надъ Россіей можетъ уничтожить дѣло Петра Великаго и превратить молодую и капиталистическую Россію въ старую крестьянскую Русь. Побѣжденная Россія надолго была бы обречена прозябать вялою и тусклою жизнью полуазіатскаго государства, являясь тормазомъ въ культурномъ шествіи человѣчества“.—Вотъ почему „народы Россіи обязаны стремиться къ побѣдѣ и должны побѣдить“ (см. „Соврем. Міръ“ № 9 за 1914 г.).

Такъ толкуетъ задачу войны, такъ обосновываетъ националъ-либеральную позицію уже не метафизикъ, а реалистически настроенный публицистъ изъ лѣваго лагеря. Страсти, какія онъ описываетъ, способны повергнуть въ панику самаго храбраго человѣка, который вѣритъ всякому слуху, а въ наукѣ не пошелъ дальше передовицъ бульварной прессы. Г. Іорданскій ограничивается приведенными ламентаціями, не рискуя конкретизировать, облечь во плоть и кровь свои страшныя слова. Но это мы съумѣемъ сдѣлать и сами. Сначала только прибавимъ къ нимъ еще два-три жупела и металла.

Г. Іорданскій пугаетъ насъ грядущимъ экономическимъ рабствомъ и дикимъ состояніемъ. Но кому

же не извѣстно, что мы уже находимся въ полной экономической зависимости отъ Германіи; наше народное хозяйство уже крѣпко опутано нѣмецкими сѣтями, оно уже потеряло свою самостоятельность, и мы погибаемъ отъ нѣмецкаго засилья. Взять хотя бы тотъ же торговый договоръ. Г. Іорданскій опасается за его будущій видъ, — когда его продиктуетъ Германія-побѣдительница. Но вотъ знаменитый либеральный экономистъ, г. Туганъ-Барановскій, пишетъ о томъ [1]), какое „видное мѣсто среди условій, тормазящихъ наше экономическое развитіе, занимаетъ крайне невыгодный для насъ торговый договоръ съ Германіей, навязанный намъ Германіей въ то время, когда мы были всего слабѣе—во время нашей неудачной войны съ Японіей".

Нѣмецкое засилье и порабощеніе Россіи создалось не только на почвѣ торговаго договора. У нѣмцевъ имѣются тысячи средствъ подчинить своему вліянію всѣ области нашей экономической жизни. Объ этомъ мы слышимъ отовсюду; мы только объ этомъ и слышимъ. Эти неотвязные толки также неопровержимо свидѣтельствуютъ о нашемъ патріотизмѣ, о нашей добросовѣстности въ пріемахъ агитаціи, о нашемъ искреннемъ стремленіи au fond обосновать „пріятіе" войны, о глубокомъ знаніи дѣла и о высоко развитомъ у насъ чувствѣ національнаго достоинства. А вмѣстѣ съ тѣмъ лозунгъ о нѣмецкомъ засильѣ означаетъ, что идеологи нашего либерализма и въ „матеріальной" сферѣ приписываютъ войнѣ не только „превентивныя", оборонительныя, но также и освободительныя задачи. Война, въ ихъ толкованіи, должна не только избавить отъ грозящаго порабощенія, но и сбросить съ насъ существующее экономическое иго.

---

[1]) См, сб. «Чего ждетъ Россія отъ войны», изд. «Прометей», ПГ, 1915, стр. 20.

Лозунгъ о нѣмецкомъ засильѣ оказался настолько же жизнеспособнымъ и плодотворнымъ, насколько эфемернымъ оказался кличъ: долой германскій милитаризмъ! Роль этого лозунга въ дѣлѣ популяризаціи войны, несомнѣнно, огромна. Но его собственная популярность оказала довольно плохую услугу разработкѣ этой темы въ наукѣ и въ серьезной періодической печати. Ибо „разрабатывать“ эту тему сталъ всякій. И не мудрено, что иныя версіи стали пригодны не для того, чтобы „оправдать“ войну, а для того, чтобы въ конецъ дискредитировать самый лозунгъ и безобразно опошлить задачи войны.

Не угодно ли, напр., выслушать слѣдующій родъ діалога между двумя обывателями, „пріемлющими“ войну по мотивамъ нѣмецкаго засилья. Одинъ изъ обывателей—пессимистъ; онъ не щадитъ красокъ для характеристики враждебной націи и какъ будто даже не вѣритъ, что ея разгромъ можетъ достигнуть цѣли. Другой, напротивъ, оптимистъ и предвкушаетъ благіе результаты побѣды. „Не нужно забывать,—пишетъ первый,—что послѣ войны намъ грозитъ наибольшая нѣмецкая опасность. Изголодавшіеся, раззоренные, похудѣвшіе и жадные—гдѣ найдутъ нѣмцы столъ и домъ? Конечно, все въ той же Россіи, куда они ринутся подъ разными видами и предлогами. А мы, слабые промышленно и культурно, своей силой ничего съ ними не сдѣлаемъ... Кормясь среди болѣе слабыхъ народовъ, англичанинъ нѣчто возвращаетъ въ видѣ культуры,—нѣмецъ же, обжираясь, ничего не отдаетъ назадъ, ибо даже испражняться ходитъ въ фатерляндъ, чтобы удобреніе не пропадало“.—Второй, однако, утѣшаетъ: „Въ раздающіяся у насъ не всегда продуманныя рѣчи объ освобожденіи отъ нѣмецкаго засилья порой неожиданно врываются какія то безнадежно унылыя ноты. Вѣра въ несокрушимую мощь если не германскаго кайзера, то

германскаго комми-вояжера крѣпко укоренилась у насъ"... Но вѣдь война, должна совершенно разстроить германскую хозяйственную организацію. „Будетъ выбито изъ рукъ общимъ раззореніемъ страны одно изъ самыхъ острыхъ орудій борьбы: сбиваніе цѣнъ ниже ихъ естественнаго (sic!) уровня". Кромѣ того, „надо будетъ усиленно обхаживать раздраженныхъ кліентовъ, всячески преодолѣвая порожденныя войной бойкотистскія настроенія, придется, заискивая, заглядывать въ глаза отворачивающагося съ негодованіемъ иноземнаго заказчика. Между тѣмъ, война унесетъ дрессированныхъ на этомъ дѣлѣ ловкачей... а замѣстители когда-то еще подберутся"...

Вчитайтесь въ это „обоснованіе" войны, и вы согласитесь, что подобные доводы способны только подорвать вѣру въ „правду войны" у всякаго, сохранившаго культурный обликъ. Вы скажете, что этотъ „діалогъ" почти каррикатура. Но вѣдь именно подобнаго рода аргументами полна та печать, которая питаетъ массы. Наши же собесѣдники—не первые встрѣчные, ибо мы искали не литературныхъ перловъ, а образцовъ аргументаціи либеральныхъ „авторитетовъ". Нашъ пессимистъ, Леонидъ Андреевъ, правда, новоявленный политикъ, но замѣчательный художникъ слова, съ міровымъ именемъ, рѣчи котораго могутъ имѣть большое агитаціонное значеніе. Оптимистъ—постоянный сотрудникъ и публицистъ солиднѣйшихъ „Русскихъ Вѣдомостей", которыя нынѣ вплели въ свой лавровый вѣнокъ еще репутацію корректнѣйшей газеты военнаго времени [1]).

---

[1]) См. № 99 за 1915 г. Статья «Германскія потери и нѣмецкое засилье» принадлежитъ перу г-на А. Ч., который нерѣдко пишетъ на столбцахъ названной газеты о положеніи Германіи въ настоящей войнѣ. По этому поводу мы хотѣли сдѣлать дружественное предупрежденіе извѣстному либеральному профессору А. А. Чуп-

Ясно — съ „нѣмецкимъ засильемъ" у насъ еще не все обстоитъ благополучно. Вмѣсто серьезной разработки вопроса мы пока видѣли или погромные выкрики, разсчитанные на самые низменные инстинкты, или общія безсодержательныя положенія, гдѣ страшныя слова скрываютъ за собой совершенно неясныя мысли. Намъ необходимо докопаться до конкретнаго смысла этихъ дешовыхъ митинговыхъ резолюцій. Необходимо выяснить дѣйствительныя размѣры и дѣйствительные источники грозящихъ опасностей. Необходимо твердо усвоить, какіе же именно политическія нормы создаютъ наше порабощеніе Германіей, какія нормы грозятъ его усилить и какія нормы, несущія намъ экономическую свободу, по мнѣнію либеральныхъ публицистовъ, надлежитъ установить въ результатѣ войны и побѣды. А вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны уяснить себѣ, на что можно надѣяться и чего, наоборотъ, нельзя ожидать отъ военно-политической побѣды надъ Германіей въ дѣлѣ борьбы съ нѣмецкимъ засильемъ. Ибо эта борьба, какъ мотивъ „оправданія" войны, предполагаетъ не только наличность даннаго зла, но и возможность его устранить даннымъ методомъ.

Итакъ, обратимся по порядку къ отдѣльнымъ, мыслимымъ и указаннымъ въ литературѣ, источникамъ нѣмецкаго засилья.

* * *

Начнемъ съ недоразумѣнія, въ основѣ котораго лежитъ, повидимому, не какой либо злой умыселъ, не неправильная оцѣнка явленія, а просто незнакомство съ дѣломъ. Рѣчь идетъ о „порабощеніи" Россіи по-

---

рову, который также спеціализировался на описаніяхъ нѣмецкаго голода, продовольственныхъ неурядицъ и другихъ внутреннихъ неустройствъ. Такъ вотъ—какъ бы не смѣшала публика этого почтеннаго дѣятеля съ каннибальствующимъ г-номъ А. Ч.

средствомъ импорта къ намъ германскаго капитала. Привлеченіе къ намъ иностраннаго капитала вообще всегда разсматривалось у насъ не какъ абсолютное зло, а какъ необходимое и крайне желательное явленіе[1]). При нашей бѣдности капиталами, ввозъ ихъ изъ-за границы всегда былъ необходимымъ условіемъ развитія нашего народнаго, государственнаго и муниципальнаго хозяйства. Онъ былъ могучимъ факторомъ расширенія нашей желѣзнодорожной сѣти, а также и роста нашей промышленности.

Правда, для національнаго хозяйства выгоднѣе развивать кредитъ, обмѣнъ и производство на собственные капиталы. Но если ихъ нѣтъ, необходимо привлеченіе иноземныхъ. И не только до сихъ поръ, но и впредь намъ предстоитъ прибѣгать къ импорту иностраннаго капитала—тѣмъ больше, чѣмъ интенсивнѣе мы будемъ развивать индустрію, пути сообщенія, городское и земское хозяйство. Достаточно указать, что наша „тяжелая“, металлургическая промышленность, въ очень большой своей части возникла на французскіе и бельгійскіе капиталы.—Что касается импорта въ Россію германскаго капитала, то онъ (сравнительно съ союзными великими державами) крайне незначителенъ. Точному учету количество ввезенныхъ капиталовъ не подлежитъ; но вотъ, напр., капиталы иностранныхъ предпріятій, работающіе въ Россіи (въ тысячахъ руб.) вмѣстѣ съ числомъ самыхъ предпріятій[2]):

| | Капиталы: | Предпріятія: |
|---|---|---|
| Англія . | 96,244 | 33 |
| Бельгія . | 114,501 | 70 |
| Франція . | 140,460 | 48 |
| Германія . | 25,197 | 24 |

[1]) Этого то не отрицаетъ даже и органъ «совѣта съѣздовъ». См. «Промышл. и торговля», № 23 за 1915 г.

[2]) См. И. Левинъ «Германскіе капиталы въ Россіи». СПБ. 1914.

Доля германскаго „засилья“, на почвѣ импорта капитала, какъ видимъ, ничтожна. При этомъ участіе у насъ германскихъ капиталовъ развивается медленнѣе, чѣмъ англійскихъ. А именно:

| | Англія. | | Бельгія. | | Франція. | | Германія. | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | Капиталъ (въ тыс. руб.) | Число предпріятій. | Капиталъ (въ тыс. руб.) | Число предпріятій. | Капиталъ (въ тыс. руб.) | Число предпріятій. | Капиталъ (въ тыс. руб.) | Число предпріятій. |
| 1904 г. | 1756 | 3 | 2599 | 5 | 10655 | 2 | 720 | 1 |
| 1907 г. | 3311 | 2 | 3750 | 1 | — | — | 460 | 1 |
| 1910 г. | 7586 | 4 | 2776 | 2 | 1631 | 2 | 1896 | 2 |
| 1913 г. | 21167 | 12 | 5250 | 5 | 9000 | 2 | 1700 | 2 |

Точно также относительно падаетъ значеніе Германіи, какъ кредитора нашихъ банковъ. Вотъ данныя о размѣрахъ кредита 17 банкамъ, полученныя путемъ анкеты редакціи „Вѣстника Финансовъ“ (въ тыс. р.):

| | Англія: | Бельгія: | Франція: | Германія: | Всего: |
|---|---|---|---|---|---|
| 1906 г. | 14,580 | 379 | 35,818 | 33,648 | 84,669 |
| 1909 г. | 27,694 | 388 | 50,430 | 30,855 | 109,723 |
| 1912 г. | 40,271 | 755 | 92,112 | 36,087 | 170,455 |

Большее значеніе имѣетъ германскій денежный рынокъ для реализаціи нашихъ городскихъ займовъ. Въ общемъ же мы видимъ, что зависимость нашего народнаго хозяйства отъ германскаго денежнаго рынка, во-первыхъ, крайне незначительна, а во-вторыхъ—относительно все болѣе падаетъ.

Это вполнѣ понятно. Сама Германія еще сравнительно молодая капиталистическая страна. Она далеко еще не превратилась въ международнаго банкира—не

въ примѣръ Англіи, Франціи и Бельгіи. И она далеко не такъ заинтересована въ экспортѣ своего капитала, который поглощается ея собственной бурно растущей индустріей. Въ Россіи Германія видитъ колоссальный рынокъ для своихъ фабрикатовъ. И заинтересована она въ томъ, чтобы открыть для себя этотъ рынокъ. Экспортъ же въ Россію капиталовъ является для Германіи просто способомъ обхода нашихъ таможенныхъ загражденій. Капиталъ, не подлежащій обложенію, вывозится къ намъ въ виду затруднительности ввоза продуктовъ. Разговоры о нѣмецкомъ засильѣ на почвѣ импорта германскаго капитала можно было бы отнести на счетъ чистаго недоразумѣнія, если бы не было на лицо именно этой формы ввоза капитала— основанія германскихъ предпріятій на русской почвѣ. Для потребительскихъ массъ и производительныхъ силъ страны эти германскія, а главнымъ образомъ англійскія, французскія и бельгійскія предпріятія приносятъ большую пользу; во-первыхъ, они оказываютъ понижательное дѣйствіе на уровень цѣнъ предметовъ потребленія, орудій и машинъ; во-вторыхъ, они потребляютъ русскую рабочую силу и повышаютъ на нее спросъ и цѣну. Но это, какъ и всякая конкурренція, совсѣмъ не нравится заинтересованнымъ группамъ нашихъ промышленниковъ; это лишаетъ ихъ монопольнаго положенія на рынкѣ и отнимаетъ у нихъ сверхъприбыль, которую выплачивала бы имъ нація въ ущербъ развитію своихъ производительныхъ силъ.— Развѣ не довольно этого для криковъ о засильѣ?... Услужливая пресса, безъ лишнихъ и вредныхъ разъясненій, легко возведетъ его на степень національнаго бѣдствія. И вотъ несчастный обыватель уже превращенъ въ унтеръ-офицерскую вдову... Надо, однако, сказать, что въ „концепціи“ нѣмецкаго засилья импортъ германскаго капитала и не играетъ существенной роли.

Факторомъ нашего порабощенія выставляется, главнымъ образомъ, германская торговая политика. И, въ частности, лишить насъ экономической независимости долженъ торговый договоръ, который продиктуетъ намъ Германія въ случаѣ своей побѣды. Вотъ что превратитъ 180-милліонную капиталистическую страну въ германскую колонію.

* * *

Этотъ „колоніальный" анекдотъ еще до войны былъ придуманъ московскимъ профессоромъ и сотрудникомъ „Рус. Слова", г. Гольдштейномъ. И, конечно, въ наукѣ и въ печати, это измышленіе квалифицировалось просто какъ боевой лозунгъ „Совѣта Съѣздовъ", всѣ „патріотическія" пѣсни котораго поются на одинъ мотивъ—о запретительномъ тарифѣ. Всѣ, способные стать на общенаціональную точку зрѣнія, прекрасно оцѣнивали и безпочвенность московскихъ измышленій и крайнюю опасность выводовъ... Такъ было. Но не то теперь, когда самые крайніе выводы уже сдѣланы, и нетрезвая мысль бьется въ поискахъ ихъ раціональнаго обоснованія. Теперь и патріотичный, хотя и неосвѣдомленный обыватель, руководимый „биржевой" прессой, и въ высшей степени патріотичный и столь же освѣдомленный Туганъ-Барановскій, всегда боровшійся съ нашей протекціонистской системой, и не столь патріотичный и не столь освѣдомленный Плехановъ, всегда защищавшій интересы не „Совѣта Съѣздовъ", а противоположнаго класса—всѣ въ одинъ голосъ твердятъ о грозящемъ экономическомъ рабствѣ. Рабство это принесетъ намъ тотъ торговый договоръ, который намъ продиктуетъ Германія въ случаѣ своей побѣды. А кстати вспоминаютъ и о невыгодахъ прежняго договора; аргументацію усиливаютъ, присовокупляя къ оборонительнымъ доводамъ еще и освободительные.

„При своей побѣдѣ, — пишетъ одинъ изъ самыхъ выдающихся нашихъ экономистовъ, имѣющій передъ русской наукой огромныя и еще не оцѣненныя заслуги,—при своей побѣдѣ Германія прежде всего продиктовала бы Россіи условія торговаго договоря, которыми была бы, если не окончательно убита, то въ значительной степени ослаблена русская промышленность. И безъ того медленный ростъ городского населенія совершенно прекратился бы, и страна была бы въ своемъ экономическомъ развитіи на десятки лѣтъ отброшена назадъ. Ей грозила бы судьба Ирландіи. Промышленные классы исчезли бы или играли бы ничтожную роль... Съ другой стороны, и земледѣльческое населеніе стало бы раззоряться отъ невыгоднаго торговаго договора, въ которомъ Германія прежде всего защищала бы интересы аграріевъ на ряду съ интересами промышленниковъ... Въ отношеніяхъ къ Россіи, вызвавшихъ войну, Германіей руководило стремленіе измѣнить таможенную политику въ свою пользу, превратить Россію въ колонію путемъ измѣненія таможенныхъ пошлинъ, уничтоженія въ ней промышленности и т. д.“

Цитируемый экономистъ не кто иной, какъ Петръ Масловъ—одинъ изъ основоположниковъ русскаго марксизма. Казалось бы, въ этихъ дѣлахъ ему можно повѣрить на слово. Ни классовые жупелы г. Гольдштейна, ни военныя „эмоціи“, ни слабая освѣдомленность, повидимому, здѣсь силы не имѣютъ. И если М а с л о в ъ рисуетъ намъ грозныя перспективы „эксплуатаціи“, „колоніи“ и „гибели промышленности“, то ясно, что отмахнуться отъ вопроса здѣсь нельзя. Аргументъ о т о р г о в о м ъ д о г о в о р ѣ пріобрѣтаетъ весьма солидный вѣсъ, и надо разобрать его sine ira et studio.

Мы должны взглянуть прежде всего на характеръ торговаго обмѣна между Германіей и Россіей; а затѣмъ должны проникнуть въ самое существо договорныхъ

нормъ и уяснить себѣ, какія же именно конкретныя свойства существующаго и ожидаемаго договоровъ и кому именно—выгодны или невыгодны.

Для Россіи Германія является главнымъ контрагентомъ по внѣшней торговлѣ: около трети нашихъ оборотовъ приходится на Германію. Въ германской же внѣшней торговлѣ главную роль играетъ Англія, а потомъ уже Россія. Въ Англію Германія больше вывозитъ, чѣмъ ввозитъ изъ нея (т. е. имѣетъ съ нею активный торговый балансъ); изъ Россіи же Германія больше получаетъ, чѣмъ продаетъ (пассивный торговый балансъ).—Что получаетъ и что продаетъ? Всѣмъ это хорошо извѣстно: Россія экспортируетъ вообще и въ Германію, въ частности, въ подавляющемъ процентѣ сырье и жизненные припасы. Германія же экспортируетъ, главнымъ образомъ, готовыя издѣлія, которыя и составляютъ главныя статьи русскаго импорта изъ Германіи. Чѣмъ объясняется такой характеръ нашего обмѣна съ враждебнымъ государствомъ?

Причина совершенно ясна и не можетъ возбуждать сомнѣній. Россія, огромная земледѣльческая страна, несравненно моложе Германіи по своему промышленному развитію. Мы богаты хлѣбомъ, лѣсомъ, продуктами животноводства; но наша собственная промышленность еще совершенно не въ состояніи насытить нашего огромнаго внутренняго рынка. Насколько велика наша потребность въ иноземныхъ фабрикатахъ, показываетъ хотя бы то обстоятельство, что даже во время войны мы не смогли совершенно отказаться отъ германскаго ввоза и только обложили германскіе продукты двойной пошлиной. О томъ, чтобы въ настоящее время сколько-нибудь замѣтно развить вывозъ фабрикатовъ на внѣшніе (да еще европейскіе) рынки, не можетъ быть и рѣчи. И наоборотъ—Германія можетъ ввозить къ намъ только необходимые для насъ продукты

индустріи и не можетъ замѣтно развить экспортъ въ Россію жизненныхъ припасовъ и сырья. Казалось бы, все совершенно очевидно и каждому давно знакомо.

Но вотъ что пишетъ г. Тугана-Барановскій, забывшій нынѣ свою старую науку для нуждъ военнаго времени. Сущность нашего прежняго договора съ Германіей „сводилась къ тому, что Германія не только значительно повысила пошлины на предметы русскаго ввоза, но и скомбинировала свои пошлины такимъ образомъ, что Россія должна была ввозить въ Германію продукты въ сыромъ видѣ, получая изъ Германіи взамѣнъ продукты въ переработанномъ видѣ". Вотъ, оказывается, чѣмъ надо объяснять описанный характеръ обмѣна. Практическій же выводъ г. Тугана-Барановскаго тотъ, что „слѣдуетъ прекратить такую дифференціацію германскихъ пошлинъ, при которой въ Германію могутъ поступать только необработанныя русскія издѣлія (?!), а для переработанныхъ издѣлій германскій рынокъ оказывается закрытымъ"...[1]). Приходятъ на память слова Михайловскаго по поводу одной изъ „эволюцій" нашего автора: „великій грѣхъ беретъ на свою душу господинъ Туганъ". Только этотъ грѣхъ несравненно большій. Въ самомъ дѣлѣ, совершенную вздорность подобныхъ утвержденій доказывать не приходится. Доказывать-то, собственно, слѣдовало бы самому ихъ автору; но мы знаемъ, что нынѣ вошелъ въ силу обычай говорить не аргументами, а одними выкриками. Конечно, и въ данномъ случаѣ, доказательствъ, иллюстрацій, примѣровъ—никакихъ... Огромная германская индустрія не только сначала насыщаетъ свой внутренній рынокъ, но и тѣснитъ промышленность старѣйшихъ капиталистическихъ странъ—не только на нейтральной почвѣ, но и на ихъ собственныхъ внутреннихъ рынкахъ.

1) См. «Чего ждетъ Россія отъ войны», «Война и народное хозяйство», стр. 20—22.

Кто же повѣритъ серьезности убѣжденія г. Тугана-Барановскаго въ томъ, что для нашей индустріи германскій рынокъ закрываетъ именно „дифференціація пошлинъ?“ О фактахъ почтенный авторъ молчитъ. Намъ же нѣтъ нужды молчать о фактѣ, который послужилъ *поводомъ* къ примѣненію даннаго агитаціоннаго пріема. „Комбинація“ германскихъ пошлинъ (наряду съ повышеніемъ ихъ) состоитъ въ, томъ, что Германія, договоромъ 1904 г., *понизила* пошлины на русскій необдѣланный *лѣсъ*, повысивъ вмѣстѣ съ тѣмъ ставки на обработанные лѣсные матеріалы. Вотъ и все, что могли устами г. Тугана-Барановскаго высказать наши промышленники о томъ ущербѣ, который наноситъ *имъ* существующій договоръ въ интересахъ экспортеровъ сырого лѣса[1]).

Итакъ, описанный характеръ нашего обмѣна съ Германіей обусловливается не искусственными политическими причинами, а естественными экономическими. Наши взаимоотношенія дѣйствительно имѣютъ такія черты, которыя характерны и для отношенія метрополій къ колоніямъ: къ намъ, какъ въ колонію, ввозятся капиталы и фабрикаты взамѣнъ сырья и жизненныхъ припасовъ. Но здѣсь аналогія и кончается. Ибо, во-первыхъ, отношенія эти возникли исключительно на почвѣ нашего болѣе поздняго выступленія на путь капиталистическаго развитія,—безъ всякаго участія внѣэкономическихъ факторовъ, политическаго захвата, закрѣпленія вліянія и т. п.; во-вторыхъ, тѣ, кто считаетъ возможнымъ употреблять примѣнительно къ Россіи терминъ „колонія“, должны бы считать „метрополіей“ никакъ не Германію, а скорѣе Францію или Англію, которая ввозитъ къ намъ, правда, вдвое меньше фабри-

---

1) См. изданный въ Харьковѣ сборникъ «Къ вопросу о торговомъ договорѣ съ Германіей», ст. г. Пискунова «Русское обществ. мнѣніе о торг. догов. съ Герм.». Харьковъ, 1913.

катовъ, но за то впятеро больше капиталовъ; въ-третьихъ, нашъ обмѣнъ съ Германіей носитъ въ себѣ (не въ примѣръ Англіи) такія черты, которыя совершенно не свойственны обмѣну метрополій и колоній: Германія отгородилась отъ своей „колоніи" огромными пошлинами на всѣ главнѣйшіе продукты русскаго экспорта,—и это обложеніе, въ случаѣ побѣды, Германія стремится усилить, тогда какъ Россія добивается обратнаго (очевидно, для того, чтобы помочь превращенію себя въ „колонію")... Впрочемъ, со всѣмъ этимъ мы сейчасъ же столкнемся вплотную: это относится уже къ торговой политикѣ и, въ частности, къ нашему торговому договору съ Германіей, на сущность котораго мы теперь и должны взглянуть.

* * *

Нашъ торговый обмѣнъ съ Германіей до войны регулировался договоромъ 1894 г., дополненнымъ конвенціей 1904 г., вступившей въ силу въ 1906 г. Война прекратила дѣйствіе этого договора,—къ невыгодѣ не только для Германіи, но и для Англіи, на которую распространялись всѣ его льготы.

Обѣ договорившіяся страны ведутъ крайнюю протекціонистскую политику. Германія облагаетъ огромными пошлинами ввозимые ею продукты русскаго земледѣлія, скотоводства, лѣсоводства и т. д.; Россія не въ меньшихъ размѣрахъ облагаетъ нѣмецкіе фабрикаты.—Кому такое положеніе дѣлъ выгодно и кому не выгодно? Совершенно ясно и каждому извѣстно. Оно выгодно для германскихъ аграріевъ, такъ какъ хлѣбныя пошлины держатъ на огромномъ уровнѣ хлѣбныя цѣны внутри Германіи; но оно не выгодно для русскихъ сельскохозяйственныхъ классовъ, такъ какъ понижаетъ цѣны на продукты нашего сельскаго хозяйства. Оно

выгодно нашимъ промышленникамъ, такъ какъ ограждаетъ ихъ отъ германской конкурренціи; но оно не выгодно германскому индустріальному капиталу, такъ какъ закрываетъ для него огромный русскій рынокъ или заставляетъ вывозить фабрикаты по рѣзко пониженнымъ цѣнамъ. Какъ видимъ, въ каждой изъ странъ интересы промышленныхъ и сельскохозяйственныхъ классовъ совершенно различны.

Чего же Россія и Германія могутъ достигнуть въ результатѣ войны? Германія стремится сохранить или повысить свои ввозныя сельскохозяйственныя пошлины въ интересахъ своихъ аграріевъ и понизить или уничтожить русскія ввозныя промышленныя пошлины для своихъ промышленниковъ. Вотъ какими путями она „поработитъ“ Россію, въ случаѣ побѣды, и превратитъ ее въ свою колонію. Россія стремится открыть себѣ германскій сельскохозяйственный рынокъ, т. е. понизить или уничтожить германскія хлѣбныя пошлины для своихъ сельскохозяйственныхъ классовъ и сохранить или повысить свои ввозныя пошлины на фабрикаты въ интересахъ промышленнаго населенія. Вотъ какими средствами Россія избавится отъ „порабощенія“ и достигнетъ „независимаго“ экономическаго развитія.—Таковы основныя задачи германской и русской торговой политики, подлежащія осуществленію въ настоящей войнѣ. Таковы главныя конкретныя черты всѣхъ знакомыхъ намъ формулъ о „порабощеніи“ и „освобожденіи“. Таковы пути и средства, которыми торговый договоръ способенъ создать экономическое „рабство“ или экономическую „свободу“.

Мы интересуемся вопросомъ, чего ждетъ Россія отъ войны. Поэтому, разсмотримъ, что̀ долженъ намъ дать торговый договоръ съ тѣми или иными конкретными чертами. Мы видимъ, что торговый договоръ надлежитъ оцѣнивать съ двухъ сторонъ: одна касается

условій нашего импорта, т. е. нашихъ ввозныхъ пошлинъ и интересовъ нашей промышленности; другая—условій нашего экспорта, т. е. германскихъ аграрныхъ пошлинъ и нашего сельскаго хозяйства. Проникнемъ нѣсколько поглубже—сначала въ первую область, а затѣмъ во вторую.

О размѣрахъ, формахъ и значеніи нашего протекціонизма до войны не было двухъ мнѣній. Никто не сомнѣвался въ томъ, что нашъ таможенный тарифъ уже давно превзошелъ всѣ допустимыя нормы раціональнаго „поощренія“ отечественной индустріи. Уже давно, изъ фактора содѣйствія экономическому подъему, наша таможенная система превратилась въ тормазъ производительныхъ силъ страны и въ путы для самой промышленности. Для нея не хватаетъ сырья и орудій; въ послѣдніе годы „голодъ“ угольный, чугунный, нефтяной—смѣняютъ другъ друга; огромныя пошлины на машины и аппараты, на шерсть, хлопокъ, химическіе продукты — задерживаютъ сельскохозяйственный прогрессъ, удорожаютъ производство предметовъ питанія, одежды, домашняго обихода и ложатся тяжелой данью на потребителя. Подъ такимъ „покровительствомъ“ таможенной системы у насъ пышно расцвѣли всякаго рода синдикатскія соглашенія промышленниковъ, которые стали полными хозяевами на нашемъ рынкѣ и облагаютъ народныя массы дополнительной данью, составляющею ихъ неслыханные въ Европѣ барыши. Кому все это выгодно?

До войны у любого представителя общественной мысли былъ всегда одинъ отвѣтъ: это выгодно однимъ только ничтожнымъ, но сильнымъ группамъ „объединенныхъ“ промышленниковъ, но крайне вредно всей націи, ея народнымъ массамъ и развитію ея производительныхъ силъ. Общественная мысль всегда неизмѣнно боролась съ такимъ положеніемъ дѣлъ, отстаи-

вала пониженіе и уничтоженіе таможенныхъ загражденій и открытіе или пріоткрытіе нашего промышленнаго рынка для свѣжаго воздуха европейской конкурренціи. Это—единственная точка зрѣнія, соотвѣтствующая общенаціональнымъ интересамъ и нуждамъ народныхъ массъ [1]). Напротивъ, обратныхъ мѣръ всегда добива-

[1]) «...Пониженіе пошлинъ на иностранные фабрикаты,—пишетъ спеціалистъ по нашей таможенной политикѣ, проф. Соболевъ,—не только облегчитъ процессъ заключенія нами договора съ Германіей, но и будетъ отвѣчать интересамъ русскаго народнаго хозяйства въ цѣломъ. Дѣйствующій таможенный тарифъ подлежитъ коренной переработкѣ въ сторону постепеннаго пониженія, такъ какъ многія его статьи носятъ явно запретительный характеръ и, даже по признанію самого министерства финансовъ, превышаютъ норму требуемаго покровительства. Въ этомъ пониженіи пошлинъ заинтересованы милліоны потребителей, въ томъ числѣ и массы земледѣльческаго населенія Россіи». См. «Экономич. значеніе рус.-герм. договора», цит. сб., II.—«Когда выступаютъ центральныя промышленныя организаціи, говорящія отъ имени всего отечественнаго капитала, онѣ, конечно, высоко держатъ знамя протекціонизма, славословятъ его и требуютъ всемѣрнаго усиленія. Но какъ только заговорятъ представители отдѣльныхъ промышленныхъ отраслей картина моментально мѣняется. Вмѣсто идиллической гармоніи получается полная какофонія... Машиностроители горько жалуются на дороговизну желѣза, угля и прочихъ сырыхъ матеріаловъ и требуютъ безпошлиннаго или льготнаго ввоза ихъ изъ-за границы. А производители угля, желѣза и т. п., въ свою очередь, сѣтуютъ на дороговизну необходимыхъ машинъ, задерживающихъ введеніе техническихъ усовершенствованій, и также требуютъ пониженія пошлинъ. Подобныя жалобы выдвигаются буквально всѣми отраслями промышленности, и дня не проходитъ, чтобы какая-нибудь изъ нихъ не возбудила ходатайства о пониженіи пошлины». («Русское Слово», цит. изъ «Т.-П. Юга» № 12—1912 г. стр. 36).

О томъ же говоритъ г. Л. Кафенгаузъ: «Усиленный протекціонизмъ становится уже въ тягость массѣ промышленныхъ предпріятій. Здѣсь достаточно сослаться на постановленія льнопрядильщиковъ, требовавшихъ года два тому назадъ отмѣны пошлинъ на прядильныя машины, на ходатайства цѣлаго ряда съѣздовъ фабрикантовъ и заводчиковъ о пониженіи пошлинъ на чугунъ, желѣзо, сталь и т. д. При существующихъ у насъ высокихъ

лись представители нашего промышленнаго капитала; ихъ завѣтной мечтой всегда былъ запретительный тарифъ или новыя повышенія ставокъ,—что мотивировалось, конечно, не иначе, какъ защитой интересовъ націи и гибелью отечественной промышленности отъ иноземнаго засилья. Война дала прекрасный выходъ ихъ вожделѣніямъ на широкую общественную арену; ихъ лозунгъ о „засильѣ" былъ подхваченъ печатью и обывателемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и войнѣ стала навязываться цѣль создать желательныя имъ нормы торговаго обмѣна съ Германіей; продиктованныя ими, эти нормы отдали бы всю Россію на „кормленіе" небольшой кучкѣ „лиходѣевъ", которыхъ Марковъ 2-й совѣтовалъ не подпускать на пушечный выстрѣлъ къ дѣлу государственной обороны.

Какъ это ни возмутительно и ни противоестественно, толки о нѣмецкомъ засильѣ исходятъ именно съ ихъ стороны, ими форсируются и служатъ для нихъ орудіемъ затемненія обывательскихъ мозговъ. Уже въ первые мѣсяцы войны, когда отсутствіе импорта прибавило къ обычнымъ „голодамъ" еще нѣсколько новыхъ (бумажный, красочный, машинный—для сельскаго хозяйства), наши промышленники подняли крикъ о повышеніи пошлинъ. А затѣмъ пошли — обвинительные акты противъ русско-германскаго договора 1904 г. съ точки зрѣнія интересовъ промышленности и разработка нормъ будущаго договора, способнаго обезпечить отечественной индустріи „независимое развитіе".

Какія же нормы прежняго договора „порабощали"

---

пошлинахъ на сырье и полуфабрикаты крайне тормазится развитіе машиностроенія, химической промышленности, а между тѣмъ интересы индустріализаціи страны требуютъ развитія именно этихъ отраслей нашего народнаго хозяйства».

См. сб. статей «Къ вопросу о торговомъ договорѣ съ Германіей». Харьковъ. 1913.

нашу промышленность и какія нормы будущей конвенціи должны ее „освободить“?

Дѣло, конечно, въ тѣхъ скидкахъ съ нашего ввозного тарифа, которыя были допущены договоромъ 1904 г. для Германіи, и которыя распространялись на другія страны, пользующіяся у насъ правами наибольшаго благопріятствованія. Надо прежде всего замѣтить, что главнѣйшіе предметы нашего импорта (хлопокъ, сырая некрашеная шерсть, шелкъ-сырецъ, каучукъ), за исключеніемъ, быть можетъ, угля, не играютъ существенной роли въ германскомъ экспортѣ въ Россію. И никакихъ скидокъ Германіи на эти предметы не существуетъ. Не существуетъ ихъ также и на большинство другихъ предметовъ нашего ввоза: изъ 240 статей ввоза, обложенныхъ по общему тарифу, скидки установлены всего по 88 статьямъ. Для характеристики же этого источника „порабощенія“ нашей индустріи, стоитъ привести нѣсколько примѣровъ.

Вотъ въ первомъ столбцѣ приведены ставки нашего общаго тарифа, а во-второмъ ставки, установленныя русско-германской конвенціей 1904 г., — ставки, которыми пользуются всѣ страны съ правами наибольшаго благопріятствованія [1].

| | Пошлина общ. тарифа въ руб. | Пошлина конвенц. тарифа въ руб. |
|---|---|---|
| Сафьянъ, лайка, шевро, шагрень (съ пуда) . . . . . . | 22,50 | 18,00 |
| Деревянныя издѣлія разныя а) . | 1,15 | 0,90 |
| (съ пуда) б) . | 4,00 | 3,00 |
| в) . | 18,00 | 15,00 |
| Фарфор. издѣлія разныя а) . | 9,54 | 7,00 |
| (съ пуда) б) . | 19,08 | 17,50 |
| Купоросъ мѣдный, хлористый цинкъ и др. (съ пуда) . . | 1,50 | 1,20 |

[1] См. «Тамож. тарифы по Евр. торговлѣ», изд. Мин. Торг. и Пром., СПБ. 1913.

| | | |
|---|---|---|
| Мѣдныя издѣлія разныя (съ пуда) . . . . . . . . . . . а) . | 13,70 | 9,00 |
| б) . | 9,00 | 8,00 |
| в) . | 25,30 | 21,00 |
| Рояли, органы (со штуки) . . | 198,00 | 168,00 |
| Піанино (со штуки) . . . . . | 120,00 | 96,00 |
| Вата гигроскоп. (съ пуда) . . | 9,00 | 7,75 |
| Шерсть разная (съ пуда) а) . | 13,50 | 12,40 |
| б) . | 20,00 | 15,80 |
| в) . | 19,50 | 16,30 |
| Машины и аппараты (съ пуда) | 2,65 | 2,10 |
| Инструменты металл. (съ пуда) | 2,75 | 2,50 |

Для каменнаго угля, въ интересахъ Германіи, ставки сухопутной западной границы приравнены съ ставкамъ при морскомъ импортѣ (вдвое меньше).

Въ общемъ мы видимъ, что ничтожныя причины дѣйствительно порождаютъ иногда огромныя послѣдствія: достаточно приведенныхъ незначительныхъ скидокъ съ огромнаго тарифа, чтобы россійская промышленность была „порабощена" и лишена „независимости"... Мы видимъ, что алчность не оставила въ сознаніи нашихъ „патріотовъ" никакихъ проблесковъ національнаго достоинства. Чтобы имѣть возможность выжать изъ своихъ соотечественниковъ лишній рубль, они готовы наговорить о положеніи своей націи какихъ угодно унизительныхъ небылицъ... Но дѣло не столько въ размѣрахъ скидокъ, сколько въ ихъ экономическомъ значеніи.

Понятно, какъ повышаются товарныя цѣны благодаря перечисленнымъ огромнымъ пошлинамъ и какъ, благодаря имъ, задерживается ростъ потребленія въ Россіи. И понятно, что съ точки зрѣнія общенаціональныхъ интересовъ и благосостоянія народныхъ массъ каждая конвенціонная скидка съ обычнаго тарифа имѣетъ не отрицательное, а положительное значеніе. Въ части, касающейся нашего ввоза, конвенція 1904 г. была выгодна для нашего народнаго хозяйства и его производительныхъ силъ. Если же въ данномъ отно-

шеніи она невыгодна, то потому, что она слишкомъ мало открываетъ нашъ рынокъ для здоровой европейской (одинаково—германской, англійской, французской) конкурренціи, слишкомъ недостаточно избавляетъ насъ отъ дани и кабалы нашимъ собственнымъ синдикатчикамъ. Наша прогрессивная литература и экономическая мысль всегда отстаивала гораздо болѣе интенсивное пониженіе таможенныхъ ставокъ, не сомнѣваясь въ огромной выгодѣ этого для нашей національной экономики.

Промышленники смотрятъ на дѣло иначе. Они также считаютъ невыгодными существующія конвенціонныя скидки. Но они кричатъ объ ихъ недопустимости, объ ихъ „гибельности" и „раззорительности" для россійской индустріи. И добиваются они совершенно противоположнаго: уничтоженія конвенціонныхъ скидокъ, возвращенія къ единому общему тарифу и новаго его повышенія—до тѣхъ предѣловъ, когда застонутъ отъ невыносимой дороговизны потребительскія массы, застопорятся производительныя силы страны и задохнется въ „автономной" атмосферѣ сама промышленность. И основной задачей войны они считаютъ завоеваніе такого „выгоднаго" торговаго договора.

Въ этомъ заключается огромная національная опасность. Правда, ни вожделѣнія, ни данная „программа" промышленниковъ не представляютъ ничего новаго. Но въ мирное время позиція ихъ всѣми оцѣнивалась по достоинству. Теперь же, когда они хотятъ отождествить свои аппетиты съ задачами міровой войны, они находятъ поддержку не только у бульварныхъ и „передовыхъ" газетъ, но и у серьезныхъ экономистовъ, всегда служившихъ интересамъ демократіи. Надо ли послѣ этого удивляться, что несчастный обыватель, твердя лозунгъ о нѣмецкомъ засильѣ и не понимая его смысла, совершенно не подозрѣваетъ, на кого онъ

работаетъ, и искренне надѣется отъ дождя спрятаться въ воду...

Выше мы цитировали утвержденія П. Маслова, что торговый договоръ, продиктованный Германіей, „уничтожитъ нашу промышленность“, „отброситъ наше развитіе на десятки лѣтъ назадъ“, „прекратитъ ростъ городского населенія“ и т. д. Утвержденія эти касаются именно данной стороны торговаго договора: условій ввоза изъ Германіи въ Россію. То есть П. Масловъ полагаетъ, что устраненіе нашихъ ввозныхъ пошлинъ или пониженіе ихъ погубитъ нашу индустрію, которая только и держится сверхъ-естественнымъ протекціонизмомъ и не можетъ вынести ни свободной конкуренціи, ни умѣреннаго покровительства — хотя бы по системѣ Листа. Отсюда необходимо вытекаютъ такіе выводы: вооруженный отпоръ Германіи долженъ избавить насъ отъ торговаго договора, открывающаго германскому вывозу русскій рынокъ, и долженъ оставить въ силѣ нашу протекціонистскую систему. Торговый договоръ, повидимому, не имѣетъ иныхъ средствъ „уничтожить“ и защитить промышленность, кромѣ таможенныхъ пошлинъ. Слѣдовательно, утвержденіе Маслова, повидимому, нельзя толковать въ какомъ либо иномъ смыслѣ... Отъ промышленниковъ и ихъ приспѣшниковъ—ученыхъ и не особенно ученыхъ—мы всѣ уже давно привыкли слышать увѣренія, что малѣйшее пониженіе пошлинъ приведетъ промышленность на край гибели. Этимъ перманентнымъ угрозамъ и жалобамъ никто, конечно, не вѣрилъ; на нихъ смотрѣли какъ на реторическія фигуры и не думали принимать ихъ за чистую монету. Но какъ же истолковать теперь тотъ фактъ, что исконные представители интересовъ демократіи, Масловъ, Плехановъ, въ союзѣ съ „марксистскими“ писателями, г.г. Іорданскимъ, Тугановъ-Барановскимъ и Финомъ-Енотаевскимъ, заговорили ны-

нѣ въ серьезъ реторическими формулами г. Гольдштейна и Совѣта Съѣздовъ?.. Борьба съ нашимъ протекціонизмомъ была ихъ традиціонной „линіей поведенія"; отмѣна таможенныхъ пошлинъ или ихъ рѣзкое пониженіе всегда составляли ихъ программныя desiderata. Какія же силы могли во мгновеніе ока превратить фритредеровъ въ неумѣренныхъ протекціонистовъ? — Свои положенія названные авторы, къ сожалѣнію, только постулируютъ, но ничѣмъ не доказываютъ. Ходъ ихъ мыслей, приведшій къ печальному перевороту, остается намъ неизвѣстнымъ. Ихъ новыхъ положеній, повидимому, никакъ нельзя истолковать иначе. Но что заставило ихъ выступать съ ними—понять невозможно. Отнесемъ эту грустную метаморфозу, до дальнѣйшаго матеріала, на счетъ „военной" психологіи, на счетъ эмоцій, на счетъ власти событій, которая въ военную эпоху натворила и не такихъ чудесъ...

Мы разсмотрѣли вкратцѣ значеніе торговаго договора въ той части, которая касается условій импорта въ Россію иноземныхъ и, въ частности, германскихъ товаровъ. Мы знаемъ, какія условія ввоза кому выгодны и кому вредны. Мы знаемъ, какія задачи приписываются въ данной области войнѣ и какъ въ данномъ случаѣ надо толковать лозунгъ о нѣмецкомъ засильѣ и порабощеніи. Лозунгъ въ полномъ ходу и дѣлаетъ свое дѣло въ интересахъ промышленнаго капитала. Но, какъ видимъ, нельзя сказать, чтобы этотъ „матеріальный" мотивъ „пріятія" войны былъ убѣдительно разработанъ въ нашей лѣвой литературѣ.

Любопытно, однако, взглянуть, каковы дѣйствительные перспективы будущихъ торговыхъ договоровъ при условіи разгрома Германіи. Есть ли у нашихъ промышленниковъ шансы, даже при этомъ условіи, осуществить свои мечты и создать, къ невыгодѣ для всей націи, такія нормы внѣшняго торговаго обмѣна, кото-

рыя закрывали бы нашъ рынокъ отъ иностранной конкурренціи и избавляли бы насъ отъ иноземнаго „засилья"?

„Не безразлично, — пишетъ въ той же брошюрѣ П. П. Масловъ,—кто является „гегемономъ" на міровомъ рынкѣ, Англія или Германія... Побѣда Германіи предрѣшаетъ экономическую зависимость и эксплуатацію Россіи, между тѣмъ какъ побѣда англійскаго имперіализма обезпечиваетъ полную свободу договоровъ и полное освобожденіе отъ насильственной эксплуатаціи страны,—не только потому, что Англія страна свободной торговли и можетъ только содѣйствовать постепенному развитію свободы торговли въ другихъ странахъ, но и потому, что побѣда надъ Германіей не грозитъ военнымъ натискомъ на Россію со стороны Англіи".

Подобныя ауспиціи еще усугубляютъ интересъ къ той работѣ, которая уже ведется въ союзныхъ странахъ и имѣетъ цѣлью намѣтить будущія торговыя отношенія союзныхъ государствъ между собою и къ побѣжденной Германіи.

Очень характерна въ этомъ отношеніи статья о торговыхъ договорахъ, помѣщенная въ „русскомъ" приложеніи къ „Times" за 1915 г. Правда „Times" формально не является англійскимъ офиціозомъ. Однако, въ настоящее время, съ капитуляціей англійскаго либерализма, отмѣченнаго широкими соціальными реформами послѣднихъ лѣтъ, съ образованіемъ „коалиціоннаго" министерства,—духъ „уніонизма" пріобрѣлъ не только право гражданства, но и силу господства въ англійскихъ руководящихъ кругахъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ и „Times" нынѣ надо считать фактическимъ выразителемъ настроеній, цѣлей и надеждъ современной офиціальной Англіи. Говоря о будущихъ торговыхъ отношеніяхъ къ Германіи, „Times" полагаетъ, что Англіи надлежитъ порвать со своей традиціонной политикой

свободной торговли и не допускать къ себѣ германскихъ товаровъ на равныхъ условіяхъ съ другими странами. Что же касается Россіи, то, по мнѣнію „Times“, она, не давая впредь Германіи особыхъ льготъ, не должна послѣ войны и распространять на нее право наибольшаго благопріятствованія. Для Германіи, слѣдовательно, предполагается торговая изоляція, на подобіе той „континентальной системы“, какую нѣкогда установилъ для самой Англіи Наполеонъ. Такимъ образомъ, надежды П. П. Маслова на торжество принципа свободной торговли совершенно не находятъ себѣ подтвержденія въ существующихъ проектахъ самихъ дѣйствующихъ группъ. Напротивъ, эти проекты предполагаютъ созданіе вполнѣ законченной торговой системы, которая будетъ основана на совершенно противоположныхъ принципахъ и будетъ реализована чисто политическими средствами.

Но какія отношенія предусматриваются между Англіей и Россіей? При своемъ экспортѣ въ Россію, Англія пользуется правами наиболѣе благопріятствуемаго государства. Никакихъ особыхъ льготъ, въ силу договора съ Россіей, Англія не имѣетъ, такъ какъ она, будучи страной свободной торговли, ничего не могла бы предоставить Россіи взамѣнъ. Изъ договоровъ, заключенныхъ Россіей съ Франціей, Италіей, Португаліей—Англія не можетъ извлечь существенныхъ выгодъ для своей торговли: продукты, импортируемые Россіей изъ этихъ странъ, не играютъ сколько-нибудь существенной роли въ британской внѣшней торговлѣ. Въ качествѣ наиболѣе благопріятствуемой страны, Англія пользовалась, главнымъ образомъ, тѣми льготами, какія были установлены знакомымъ намъ русско-германскимъ договоромъ 1904 года. Теперь, съ прекращеніемъ дѣйствія этого договора, Англія снова принуждена регулировать свой экспортъ въ Россію на-

шимъ общимъ таможеннымъ тарифомъ. Конечно, это для нея очень невыгодно. И вотъ „Times“ предусматриваетъ заключеніе съ Россіей послѣ войны новаго торговаго договора, который предоставлялъ бы британскому экспорту особыя льготы—не распространяемыя на Германію. Но что же, опять таки, Англія можетъ предоставить намъ взамѣнъ? На этотъ счетъ „Times“ дѣлаетъ характерное указаніе: „въ англійскихъ дѣловыхъ кругахъ полагаютъ, что русскія льготы британскому экспорту должны разсматриваться въ свѣтѣ той финансовой поддержки, какую мы оказали Россіи при веденіи войны“. Sapienti sat [1]).

---

[1]) Совершенно въ томъ же духѣ говорилъ на встрѣчѣ Новаго года (1916-го) среди членовъ англійской колоніи Петрограда англійскій посолъ, г. Д. Бьюкененъ: «Я недавно отправилъ въ Англію,—говорилъ онъ,—прекрасное консульское донесеніе о нашихъ будущихъ коммерческихъ отношеніяхъ съ Россіей, и я обращаюсь къ вамъ, господа, какъ къ хорошо знающимъ Россію, съ просьбой воздѣйствовать на нашихъ друзей на родинѣ и указать имъ на крайнюю необходимость производства подготовительной работы для занятія того мѣста, которое Германія занимала здѣсь въ торговлѣ до сихъ поръ. Русская имперія являетъ собой огромный рынокъ для сбыта всѣхъ видовъ англійскихъ товаровъ; но для того, чтобы вытѣснить оттуда германцевъ, наши коммерсанты и промышленники должны самымъ радикальнымъ образомъ измѣнить свои методы. Я не желалъ бы ни одной минуты дать поводъ думать, что я хочу сказать, чтобы Великобританія эксплоатировала въ коммерческомъ отношеніи Россію такъ, какъ это дѣлала Германія въ прошломъ, но желаю сказать, что англо-русскія коммерческія отношенія должны быть координованы въ смыслѣ, выгодномъ для обѣихъ странъ.

Я не настаиваю на необходимости отвоеванія нами русскаго рынка отъ германцевъ исключительно въ интересахъ коммерческихъ., но потому, что я желаю упрочить и продлить англо-русскій союзъ. Я всегда говорилъ, что не дипломатическими актами, а искреннимъ чувствомъ, симпатіей, дружбой и довѣріемъ, а также общностью интересовъ создаются прочные и длительные союзы.

Обѣ наши страны участвуютъ въ борьбѣ на жизнь и на смерть. Обѣ наши страны борются за свое существованіе и за сво-

Совершенно аналогичные проекты разрабатываются и въ „дѣловыхъ кругахъ“ Франціи. Парижская торговая палата, по предложенію министра финансовъ, сдѣлала свое заключеніе относительно пересмотра условій французскаго экспорта въ Россію. Помимо соотвѣтствующихъ измѣненій нашего таможеннаго устава и т. п., парижская торговая палата считаетъ необходимымъ, въ дополненіе къ существующей конвенціи 1905 г., понизить русскія пошлины на цѣлый рядъ предметовъ, экспортируемыхъ французской индустріей.

Что же все это означаетъ? Это означаетъ: гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно. Эту „природу“ мы назовемъ свѣжимъ воздухомъ европейской конкурренціи, которой намъ не избѣжать и послѣ изоляціи Германіи, къ выгодѣ нашего народнаго хозяйства, къ благополучію потребительскихъ массъ. Но какъ назовутъ ее наши промышленники? Полагаютъ ли они, что покончивъ съ нѣмецкимъ „засильемъ“, они получатъ русскаго обывателя въ свое монопольное владѣніе и нераздѣльное господство?.. Если полагаютъ, то сильно разочаруются. „Засилья“ не миновать. И намъ говорятъ, что за него мы уже получили авансъ. Тѣ страш-

---

боду въ качествѣ независимыхъ націй и за великіе принципы правды и справедливости; и тѣ опасности, съ которыми мы столкнулись, тѣ жертвы, которыя мы принесли, являлись фундаментомъ прочнаго союза. Однако, вершина зданія должна быть еще закончена и для того, чтобы это зданіе могло противостоять всѣмъ бурямъ въ будущемъ, оно должно быть сооружено изъ крѣпкаго камня общихъ интересовъ. Въ нашъ матеріальный вѣкъ тѣсныя торговыя сношенія являются однимъ изъ господствующихъ факторовъ въ области международной политики. И въ интересахъ обоихъ государствъ, какъ Россіи, такъ и Великобританіи, соорудить барьеръ, противъ мирнаго проникновенія Германіи и противъ захватовъ ею торговли». Опять таки sapienti sat. Нынѣ подобнаго матеріала сколько угодно. Вопросъ о «таможенномъ союзѣ» уже давно поставленъ на практическую почву. См. мою статью въ «Лѣтописи», апрѣль 1916.

ныя перспективы, которыя рисовали Масловъ и Іорданскій, могли бы осуществиться и безъ участія Германіи... если бы онѣ вообще могли осуществиться. Если съ побѣжденной Германіей мы заключимъ такъ называемый „выгодный" договоръ, то всѣ такъ называемыя „невыгоды" и „засилье" намъ придется испытать отъ союзниковъ. Русскій рынокъ привлекателенъ для каждой развитой индустріи, завоевывающей себѣ экспортъ вооруженной рукой... Конечно, въ дѣйствительности это новое „засилье", это наводненіе Россіи англійскими и французскими продуктами совершенно не страшно и даже полезно. Но что скажутъ тѣ, кто задачи войны толкуетъ, какъ созданіе „независимой" промышленности, и предвкушаетъ раздолье на отечественномъ рынкѣ, наглухо забитомъ со всѣхъ сторонъ?.. [1]).

[1]) О зависимости, подчиненіи, порабощеніи Россіи Германіей стало умѣстнымъ и «патріотичнымъ» говорить только теперь, во время войны. Раньше вопросъ о томъ, кто сильнѣе и кто отъ кого зависитъ обыкновенно рѣшался иначе. Правда, вопросъ этотъ—въ значительной степени дутый, фиктивный. Ибо въ принципѣ надо предполагать, что оба контрагента другъ отъ друга зависятъ и не зависятъ въ одинаковой степени. Но все же—вотъ какія справедливыя мысли умѣлъ высказывать до войны, напр., г. Туганъ-Барановскій. По его мнѣнію, «Россія, какъ страна натуральнаго или полунатуральнаго хозяйства, меньше можетъ пострадать отъ нарушенія сложившихся торговыхъ сношеній, чѣмъ Германія, государство съ сильно развитой промышленностью; въ отсталости Россіи въ дѣлѣ развитія въ ней товарно-капиталистическаго хозяйства кроется въ настоящее время источникъ ея силы: чѣмъ меньше развито въ странѣ товарное хозяйство, тѣмъ менѣе гибельно отражается на ней сокращеніе рынка для сбыта ея произведеній. Напротивъ, для страны, всецѣло втянутой въ товарное хозяйство, потеря даже небольшого рынка можетъ быть губительной и разорить народное хозяйство. Поэтому Россія не является такой слабой въ сравненіи съ Германіей, какъ можно было бы думать при сопоставленіи данныхъ о товарообмѣнѣ. Потеря германскаго рынка для Россіи въ случаѣ таможенной войны, не была бы столь тяжелой, какъ потеря для Германіи русскаго рынка». (По реферату доклада проф. М. И. Туганъ-Барановскаго въ «Экономистѣ Россіи»

* * *

Невыгоды нашего торговаго обмѣна съ Германіей заключаются не въ условіяхъ нашего промышленнаго импорта, а въ условіяхъ нашего сельскохозяйственнаго экспорта на нѣмецкій рынокъ. Общеизвѣстны утвержденія, что огромныя германскія пошлины на жизненныя припасы, установленныя конвенціей 1904 г., оказываютъ неблагопріятное дѣйствіе на интенсивность нашего вывоза въ Германію и на уровень нашихъ экспортныхъ цѣнъ. Русское сельское хозяйство—точнѣе, классы, занятые въ нашемъ сельскохозяйственномъ производствѣ и обмѣнѣ, заинтересованы въ „открытіи" для нихъ германскаго рынка путемъ уничтоженія или пониженія непомѣрныхъ ставокъ. Кромѣ того, мы знаемъ, что нашъ сельскохозяйственный экспортъ оплачиваетъ наши заграничные долги,

---

№ 18, 1912 г. стр. 7 и въ «Русскомъ Экспортѣ» № 4—5, 1912 г., стр. 151). Этому вопросу посвящена спеціальная работа Роховича: «Нужда въ пріобрѣтеніи необходимыхъ для страны продовольственныхъ и кормовыхъ средствъ настоятельнѣе и неизмѣримо важнѣе нужды въ сбытѣ продовольственныхъ и кормовыхъ излишковъ, дла которыхъ можно пріискать другіе рынки или даже другое примѣненіе, и сама культура которыхъ, въ случаѣ надобности, легко можетъ быть сокращена за счетъ развитія болѣе выгодныхъ отраслей сельскаго хозяйства. Установленіе важнаго факта зависимости Германіи отъ Россіи въ дѣлѣ снабженія своей страны хлѣбными продуктами несомнѣнно должно имѣть важное значеніе при выборѣ той тактики, какой намъ слѣдуетъ держаться при предстоящемъ пересмотрѣ нашего торговаго договора съ Германіей» («Торгово-Промышленный Югъ» № 10, 1912 г. стр. 44).

О томъ же писала «Торгово-Промышленная Газета» («Торг.-Пром. Газета», цит. по «Пром. и Торг.» № 11, 1912 г. стр. 595—596): «зависимость Германіи отъ насъ такъ сильна, что таможенный конфликтъ крайне невыгоденъ для Германіи, ибо онъ лишитъ ее необходимыхъ предметовъ питанія. Роль Россіи въ качествѣ поставщика 72% всего количества главныхъ хлѣбовъ, ввозимыхъ

опредѣляетъ цѣну нашего рубля, рѣзко вліяетъ на обиліе денегъ въ странѣ, на уровень дисконтнаго процента, а слѣдовательно и на положеніе промышленности и т. д. Не даромъ наша экспортная политика всегда регулировалась девизомъ: „не доѣдимъ, но вывеземъ". И немудрено, что сокрушеніе германскаго аграрнаго протекціонизма сейчасъ выставляется, какъ одна изъ важнѣйшихъ задачъ войны и побѣды.

Этотъ мотивъ, не въ примѣръ вѣчной пѣснѣ промышленниковъ о запретительномъ тарифѣ, никакъ нельзя въ принципѣ считать недоразумѣніемъ. Онъ имѣетъ подъ собой не мало фактическихъ основаній. И при томъ позиція Россіи, борющейся въ данномъ случаѣ за принципъ свободной торговли, является здѣсь весьма прогрессивной. Этотъ мотивъ слѣдуетъ

---

въ Германію, настолько велика, что ставитъ Германію въ большую зависимость отъ Россіи».

«Вѣдь, если Германія, говоритъ проф. М. И. Туганъ-Барановскій въ другомъ мѣстѣ, имѣетъ первостепенное значеніе для насъ, какъ рынокъ, то и Германія еще менѣе можетъ обойтись безъ ввоза нашихъ продуктовъ. Вѣдь Россія занимаетъ по цѣлому ряду статей вывоза почти монопольное положеніе на германскомъ рынкѣ. . . . . При этомъ характерно, что почти по всѣмъ этимъ статьямъ Германія приходитъ за послѣднее время все въ болѣе зависимое положеніе отъ Россіи». (Проф. М. И. Туганъ-Барановскій. Аграрный протекціонизмъ и вздорожаніе с.-х. продуктовъ, «Русскій Экспортъ» № 2—3, 1911 г. стр. 71).

«Я совершенно не согласенъ, говорилъ г. Левинъ, на Одесскомъ совѣщаніи южныхъ городовъ, земствъ и промышленниковъ, что Германія сильна экономически и что мы должны этого опасаться. Напротивъ, я совсѣмъ не считаю ее сильной. Вѣдь Германія что экспортируетъ? Фабрикаты. Это неважно. Фабрикаты всякое государство намъ дастъ. Мы же экспортируемъ сырье, хлѣбъ, который необходимъ Германіи для питанія населенія. Для хлѣба мы всегда найдемъ покупателя. А Германія безъ нашего хлѣба не можетъ обойтись. Она въ насъ больше нуждается». (См. сб. статей «Къ вопросу о торговомъ договорѣ съ Германіей». Харьковъ, 1913. Предыдущія цитаты оттуда же).

не игнорировать и не разоблачать (подобно предыдущему), а оспаривать по существу. Оспаривать же его можно и должно. Значеніе, которое для насъ имѣетъ борьба съ германскимъ протекціонизмомъ, не только безмѣрно преувеличивается, но и неправильно освѣщается. Методъ же этой борьбы—и не ведетъ къ цѣли, и не находится ни въ какомъ соотвѣтствіи съ дѣйствительными интересами нашего народнаго хозяйства. Тѣ, кто въ поискахъ раціональнаго обоснованія, навязываютъ войнѣ, безъ разговора, любыя „симпатичныя" имъ цѣли, прибѣгаютъ къ данному аргументу не съ бо́льшимъ основаніемъ, чѣмъ и ко всѣмъ предыдущимъ.

Знаменитымъ „ростовщическимъ" тарифомъ 1902 г. въ интересахъ германскихъ аграріевъ, были установлены минимальные размѣры ставокъ „для защиты туземнаго сельскаго хозяйства"; эти ставки, по конвенціи 1904 г., приняли для важнѣйшихъ продуктовъ слѣдующій видъ (за 100 килограммовъ):

| | | |
|---|---|---|
| Рожь . . . . . . . . . . . . . . . | 5 | марокъ. |
| Пшеница и полба . . . . . . . . | 5,5 | » |
| Ячмень, кромѣ пивовареннаго . . | 1,3 | » |
| Овесъ. . . . . . . . . . . . . . . | 5 | » |
| Хмѣль . . . . . . . . . . . . . . | 20 | » |
| Свиньи (за 100 кило живого вѣса) . | 9 | » |
| Мясо . . . . . . . . . . . . . . . | 35 | » |
| Птица битая . . . . . . . . . . | 15 | » |
| Масло коровье . . . . . . . . . . | 20 | » |
| Яйца . . . . . . . . . . . . . . . | 2 | » |

Съ этими огромными пошлинами русскій экспортъ борется нѣкоторыми косвенными путями, — напр., „экспортными" желѣзнодорожными тарифами; но, конечно, подобныя мѣры не въ состояніи парализовать вліяніе германскаго аграрнаго протекціонизма на нашъ сельскохозяйственный вывозъ.

Постараемся, однако, уяснить себѣ, каково именно это вліяніе—количественно и качественно.

Прежде всего, Германія, поглощая меньше трети (29%) нашего общаго вывоза, является не только не единственной, но и не главной покупательницей нашихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Вотъ данныя о нашемъ хлѣбномъ экспортѣ за пятилѣтіе 1906—1910 г.г.:

Вывезено изъ Россіи въ среднемъ за одинъ годъ пятилѣтія:

| | По всѣмъ границамъ (тыс. пуд.). | Въ Германію (тыс. пуд.). | % экспорта въ Германію. |
|---|---|---|---|
| Пшеница . . . . . . . | 228.106 | 52.577 | 23,5 |
| Рожь . . . . . . . . . | 42.296 | 22.439 | 53,4 |
| Ячмень. . . . . . . . | 181.353 | 118.353 | 65,6 |
| Овесъ . . . . . . . . | 56.735 | 19.768 | 34,7 |
| Кукуруза . . . . . . | 36.064 | 8,435 | 23,4 |
| Отруби . . . . . . . | 36.804 | 31.444 | 85,0 |

Въ общей суммѣ на Германію приходится не болѣе 43% нашего хлѣбнаго экспорта. При этомъ не рѣдко Германія является лишь мѣстомъ транзита въ другія страны. Большая же часть сельскохозяйственныхъ продуктовъ, подлежащихъ экспорту, вывозится нами въ союзныя государства. Рѣшающее значеніе германскія покупки имѣютъ только для ячменя и отрубей; доля этихъ продуктовъ, поглощаемая Германіей, все растетъ. Но какъ разъ пошлина на ячмень очень невысока, а отруби въ Германію ввозятся безпошлинно.—Что же все это означаетъ?

Это означаетъ, во-первыхъ, что конъюнктура германскаго рынка не можетъ опредѣлять размѣровъ нашего вывоза. Нашъ хлѣбный экспортъ въ Германію колеблется по отдѣльнымъ годамъ въ полномъ соотвѣтствіи съ общимъ количествомъ вывезеннаго хлѣба [1]). Об-

[1]) См. А. К. фонъ Шульцъ «Изслѣд. о производствѣ и торговлѣ Германіи продуктами полеводства за 30 лѣтъ въ связи съ русско-германскимъ торговымъ договоромъ». Изд. Гл. Упр. Зем. и Земл.

щій же экспортъ опредѣляется не чѣмъ инымъ, какъ урожаемъ и минимальными остатками для внутренняго потребленія. Ни о какомъ сокращеніи нашего экспорта подъ вліяніемъ германскихъ пошлинъ не можетъ быть и рѣчи. Мы не доѣдаемъ, но вывозимъ все, что только удастся урвать у своего собственнаго потребителя.

Во-вторыхъ, эта не рѣшающая роль Германіи, какъ покупательницы нашихъ продуктовъ, означаетъ, что германскій рынокъ не въ состояніи диктовать цѣны нашему экспорту. Цѣны эти опредѣляютзя міровымъ рынкомъ, конъюнктуру котораго по крайней мѣрѣ для пшеницы, характеризуетъ такъ называемая „англійская средняя".

До войны наши экономисты отдавали себѣ во всемъ этомъ полный отчетъ. Покойный Рыкачевъ, г.г. Роховичъ, Струве, Туганъ-Барановскій отмѣчали зависимость движенія нашихъ хлѣбныхъ цѣнъ именно отъ мірового, а не отъ германскаго рынка? Туганъ-Барановскій, указывалъ при этомъ, что міровая конъюнктура, чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе благопріятна для вывозящихъ странъ, „такъ какъ мы дѣйствительно вступили въ полосу высокихъ цѣнъ и, повидимому, безповоротно"[1]). И только теперь, для нуждъ войны, пришлось придумать всякія грозныя опасности со стороны Германіи... Въ полосу высокихъ цѣнъ, замѣтимъ въ скобкахъ, мы, можетъ быть, вступили и не безповоротно; но, конечно, не въ Германіи и не въ ея пошлинахъ тутъ сила: „засилье" надъ сельскимъ хозяйствомъ всей Европы идетъ какъ будто съ крайняго запада, черезъ тѣсную воронку Панамскаго канала...

Но интересно, каково же въ концѣ концовъ реальное значеніе германскихъ хлѣбныхъ пошлинъ для

---

[1]) См. «Рѣчь», № 288 за 1912 г., цит. по сб. «Къ вопр. о торг. договорѣ съ Герм.», Харьковъ, 1913.

русскаго экспортера? Конечно, на него падаетъ не вся сумма пошлины, а только часть ея. Но какая часть? Отвѣтомъ можетъ послужить сравненіе цѣнъ на хлѣбъ внутри Германіи (съ пошлиной) и внѣ Германіи (безъ пошлины). По даннымъ записки, представленной министромъ финансовъ въ Гос. Совѣтъ въ 1913 г., средняя цѣна пшеницы въ Данцигѣ за 1893—1902 г., при пошлинѣ въ 26,5 копеекъ съ пуда, равнялась безъ пошлины 92 коп., а съ пошлиной, уплаченной продавцомъ, 116 коп.,—т. е. разница составляла 24 коп., а недоборъ пошлины продавцомъ—2,5 коп.; при томъ же размѣрѣ пошлины, цѣна ржи безъ пошлины равнялась 72 коп., съ пошлиной же 94 коп.,—разница 22 коп., а недоборъ экспортера 4,5 коп. [1]). Цифры, какъ видимъ, довольно скромныя. Что же остается отъ всѣхъ опасностей германскаго протекціонизма, если мы, принявъ во вниманіе все сказанное, будемъ говорить не объ экспортерѣ, а о производителѣ, раскинутомъ по всему лицу русской деревни? Во-первыхъ, этого производителя, т. е. всего „сельскаго хозяйства“ нельзя отождествлять съ земледѣльческими классами, заинтересованными въ высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ и связанными такъ или иначе съ міровымъ рынкомъ. А во-вторыхъ, очевидно, что германскія сельскохозяйственныя пошлины, при такихъ условіяхъ, должны представлять собой quantité négligeable.

Но все это еще не главныя соображенія, заставляющія насъ не придавать сколько-нибудь существеннаго значенія борьбѣ съ германскимъ аграрнымъ протекціонизмомъ. Если бы даже было можно отождествить интересы каждаго русскаго земледѣльца съ интересами экспортера, то все же нельзя отождествлять интересы

---

[1]) См. М. Соболевъ «Экономическое значеніе русско-германскаго договора», цит. сб., стр. 10.

націи въ цѣломъ съ интересами земледѣльческаго класса. Если даже предположить, что условія наиболѣе интенсивнаго и дорогого вывоза составляютъ неотъемлемый и насущный интересъ каждаго производителя хлѣба, все же это не значитъ, что передъ всей націей вопросъ о максимальномъ и наиболѣе выгодномъ экспортѣ рѣшается въ положительномъ смыслѣ. „Не доѣдимъ, но вывеземъ"—формула, мало убѣдительная и для земледѣльца. Нечего и говорить, что она рѣзко противорѣчитъ интересамъ внѣземледѣльческихъ трудовыхъ массъ.—Все это означаетъ слѣдующее: раньше, чѣмъ расчищать почву для наиболѣе выгоднаго экспорта, надо доказать, что это форсированіе экспорта безусловно желательно съ точки зрѣнія общенаціональныхъ интересовъ. А кромѣ того, надо доказать, что со стороны объективныхъ условій сельскохозяйственному экспорту (желателенъ онъ или нѣтъ) обезпечено большое будущее въ развитіи нашего національнаго хозяйства. Ибо нѣтъ основаній затрачивать много энергіи на такое дѣло, у котораго будущаго нѣтъ. — Какъ же рѣшаются эти вопросы о возможности и желательности примѣнительно къ нашему сельскохозяйственному экспорту?

Россія есть капиталистическая страна, которая повинуется всеобщимъ законамъ хозяйственнаго развитія. Полвѣка назадъ Германія была также страной, вывозящей хлѣбъ; въ настоящее время она не можетъ обходиться безъ импорта сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Соедин. Штаты Сѣв. Амер. на нашихъ глазахъ сокращаютъ хлѣбный экспортъ въ силу развитія собственнаго сельскохозяйственнаго рынка. Панамскій каналъ, правда, дастъ американскому вывозу новый толчекъ, пустивъ подъ обработку новыя огромныя площади. Но это не нарушитъ общей тенденціи, и со-временемъ Соед. Штаты должны будутъ пре-

кратить свой сельскохозяйственный экспортъ, а можетъ быть обратиться и во ввозящую страну. Россія, конечно, претерпѣваетъ аналогичную эволюцію. Ея экономическое развитіе и ея индустріализація идутъ очень быстро. Емкость ея внутренняго сельскохозяйственнаго рынка рѣзко возрастаетъ. И каковы бы ни были абсолютные размѣры нашего земледѣльческаго экспорта, его относительное значеніе должно быстро падать — какъ для сельскаго хозяйства, такъ и для общей экономики страны. А затѣмъ, съ ростомъ промышленности и внѣземледѣльческихъ классовъ, съ увеличеніемъ ихъ покупательной способности и ихъ „доѣданія", должны сокращаться и абсолютныя количества экспортируемыхъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, вплоть до полнаго поглощенія ихъ на внутреннемъ рынкѣ.

До войны, когда наши экономисты еще не были связаны либеральнымъ пониманіемъ своего „патріотическаго" долга, когда изслѣдованія ихъ были направлены къ отысканію истины, а не къ отысканію поводовъ для алармистской агитаціи — вопросъ о соотношеніи внутренняго и внѣшняго рынка для нашего земледѣлія нерѣдко освѣщался въ данномъ смыслѣ. Авторъ солиднѣйшаго труда объ образованіи внутренняго сельскохозяйственнаго рынка, г. П. Лященко, на основаніи статистики желѣзнодорожныхъ перевозокъ, пришелъ къ выводу о болѣе быстромъ ростѣ внутренняго рынка сравнительно съ внѣшнимъ [1]). Г. Гефдингъ, изслѣдовавшій „экономическіе интересы Россіи" въ связи съ будущимъ русско-германскимъ договоромъ, также полагаетъ, что „уже сейчасъ внутренній городской и вообще промышленный рынокъ

---

[1]) См. П. Лященко, «Очерки аграрной эволюціи Россіи». Т. I. ПБ. 1908.

имѣетъ для сельскаго хозяйства гораздо большее абсолютное и относительное значеніе, чѣмъ это обыкновенно предполагается“ [1]). Изслѣдователь же нашего хлѣбнаго экспорта, г. Юровскій, приходитъ къ выводу, что „если русская промышленность будетъ продолжать развиваться... то примѣръ послѣднихъ 15 лѣтъ XIX столѣтія показываетъ что сельское хозяйство не будетъ, по всей вѣроятности, давать никакихъ новыхъ излишковъ зерна для экспорта“ [1]).

Все это значитъ, что вопросъ о германскихъ пошлинахъ, даже въ томъ скромномъ значеніи, какое было охарактеризовано выше, есть вопросъ только сегодняшняго дня. Для будущихъ же временъ его значеніе, повидимому, будетъ совершенно парализовано тенденціями объективнаго экономическаго развитія Россіи. Правда, г. Мануиловъ разсуждаетъ такъ: „индустріализація Россіи есть фактъ, не подлежащій спору; но если даже предположить, что индустріализація Россіи въ такихъ предѣлахъ, при которыхъ создается достаточно емкій рынокъ для предметовъ нашего земледѣлія, стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній, то отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, что вопросы практической политики сегодняшняго дня можно рѣшать, имѣя въ виду тѣ явленія, которыя еще не только еще не наступили, но неизвѣстно, когда наступятъ“. Мы охотно не стали бы противъ этого спорить, если бы г. Мануиловъ и его единомышленники обѣщали намъ не придавать германскому „аграрно-протекціонистскому засилью“ принципіальнаго значенія. Ибо, при всемъ желаніи уничтожить германскія аграрныя пошлины въ интересахъ „сегодняшняго дня“, никакъ нельзя связать неслыханнаго мірового пожара съ осуществленіемъ микроскопическихъ текущихъ задачъ и самыхъ благихъ по-

---

[1]) Цит. цитированной по ст. Д. Пискунова, l. c., стр. 37—38.

желаній въ области экономической политики.... Но во всякомъ случаѣ и г. Мануиловъ не споритъ, что опредѣленная тенденція—на лицо, что „открытіе“ иноземныхъ сельскохозяйственныхъ рынковъ имѣетъ для насъ все меньшее и меньшее значеніе, и что къ „завтрашнему“ дню вопросъ о германскихъ пошлинахъ для нашего народнаго хозяйства былъ бы совершенно ликвидированъ самъ собой.

Однако, всего этого мало. Я утверждаю, что вопросъ этотъ теперь, въ сегодняшній день, уже „превратился въ собственную противоположность“. Не въ будущемъ, а уже теперь нашъ внутренній рынокъ пріобрѣлъ такую емкость, которая уже не требуетъ дальнѣйшаго форсированія экспорта путемъ созданія болѣе выгодныхъ для него условій. Не только не требуетъ, но и дѣлаетъ крайне вреднымъ это форсированіе экспорта съ точки зрѣнія современной народно-хозяйственной конъюнктуры и интересовъ народныхъ массъ.

Несмотря на хорошіе урожаи послѣднихъ лѣтъ, цѣны на пищевыя продукты у насъ не падаютъ, а ростутъ. Упорядоченіе и организація нашей хлѣбной торговли, огромное развитіе банковскихъ ссудъ подъ хлѣбъ, ростъ кооперативовъ — помогаютъ естественному росту рынка на почвѣ индустріализаціи и „урбанизаціи“ страны. Цѣны не тольно ростутъ; за послѣднія 10 лѣтъ онѣ претерпѣли цѣлую революцію. „Дороговизна жизни“ уже давно миновала стадію обывательской злобы дня и превратилась въ огромную и очередную соціальную проблему. Потребитель раззоряется отъ „выгодной“ сельскохозяйственной конъюнктуры. Въ нашей земледѣльческой странѣ мы испытываемъ нынѣ, вмѣстѣ со всевозможными промышленными, еще и хлѣбный голодъ. Потребительскимъ „низамъ“ „житницы“ Европы уже давно недоступны—мясо, масло, яйца, молоко.

Цифры о дороговизнѣ приводились въ литературѣ десятки разъ, и вопросъ этотъ уже не нуждается въ фактическихъ иллюстраціяхъ. Отмѣтимъ только, что даже за послѣдній, военный годъ, когда экспортъ былъ невозможенъ, и весь хлѣбъ остался въ странѣ, цѣны на внутреннемъ рынкѣ, даже въ мѣстахъ производства, т. е., безъ всякаго вліянія разстройства транспорта, не только не упали, но сдѣлали рѣзкій скачекъ кверху [1]. Не вывозя, мы не доѣдаемъ, и руководимые передовыми экономистами въ союзѣ съ бульварной прессой, мы долгое время ждали, когда черезъ открытые проливы нашъ хлѣбъ хлынетъ за границу; отлично предвкушая то удовольствіе, какое получатъ экспортеры, мы ничего не слышимъ отъ нашихъ „патріотическихъ" агитаторовъ о нашей собственной судьбѣ послѣ открытія сельскохозяйственнаго экспорта. Между тѣмъ, судьба эта, на почвѣ дороговизны насущныхъ предметовъ, будетъ еще гораздо болѣе плачевна, чѣмъ теперь...

Однако, „выгодная" сельскохозяйственная конъюнктура вѣдь создана не войной. Повторяю, несмотря на хорошіе урожаи, она давала себя знать—чѣмъ дальше, тѣмъ больше—въ теченіе всего послѣдняго десятилѣтія. Слѣдовательно, земледѣльческій экспортъ вообще начинаетъ играть въ нашей народно-хозяйственной жизни не только весьма двусмысленную, но и довольно опасную роль. Форсированіе экспорта, бывшее традиціонной политикой нашихъ министровъ финансовъ въ ущербъ „доѣданію", безусловно перестало быть задачей нашей экономической политики. И борьба за облегче-

[1]) Въ Кіевѣ, въ іюнѣ 1914 г., цѣна пшеницы стояла на уровнѣ 109—110 коп., въ іюнѣ (20-го) 1915 г.—150—155 коп.; въ Ельцѣ въ іюнѣ 1914 г. — 114 коп., черезъ годъ 135 к.; въ Одессѣ 103 к. и 128—139 коп.; въ Саратовѣ рожь—въ 1914 г. 65—75, въ 1915 г.—015—107 к. (См. «Торг.-Промышл. Газету» отъ 23-го іюня 1915 г.).

ніе экспорта, за созданіе для него болѣе выгодныхъ условій не только не нужна и безполезна, но и вредна съ точки зрѣнія интересовъ нашей внѣземледѣльческой демократіи.

„Задачей будущаго торговаго договора,—пишетъ г. Туганъ-Барановскій, будетъ открыть для русскаго сельскаго хозяйства германскій рынокъ. Одного пониженія пошлинъ на русскіе хлѣба будетъ для этого недостаточно... Естественнымъ рынкомъ для русскаго мяса является Германія. Однако, Германія, въ угоду своимъ аграрнымъ классамъ, всячески тормазитъ ввозъ въ ея предѣлы русскаго мяса... Такъ, подъ предлогомъ опасности зараженія, эпизоотій, Германія ограничиваетъ ввозъ въ ея предѣлы русскихъ свиней и другого скота. Въ результатѣ русское крестьянское хозяйство не получаетъ своего естественнаго развитія“ [1]).—Не можетъ быть никакихъ споровъ о томъ, что германская таможенная система есть одинъ изъ самыхъ возмутительныхъ продуктовъ узко-классовой политики государства. Но жертвами ея являются совсѣмъ не тѣ элементы, на которые указываетъ Туганъ-Барановскій. Умалчивая объ ея дѣйствительныхъ жертвахъ, почтенный экономистъ не стѣсняется прибѣгать къ грубой демагогіи и утверждать, что въ дефектахъ нашего крестьянскаго хозяйства—„нѣмецъ“ виноватъ. На дѣлѣ, какъ мы знаемъ, здѣсь не при чемъ ни нѣмецъ, ни вообще конъюнктура рынка, которая болѣе, чѣмъ благопріятна для земледѣльческихъ классовъ. Крестьянинъ нашъ не имѣетъ ни матеріальныхъ, ни духовныхъ рессурсовъ, (ни земли, ни капитала, ни знаній) для раціональнаго производства; онъ не самостоятеленъ, опутанъ сѣтями посредниковъ, онъ не въ состояніи использовать существующій уровень цѣнъ и приспособить хозяйство къ потребностямъ рынка. Но сами по себѣ цѣны болѣе,

[1]) См. «Чего ждетъ Россія отъ войны», l. c., стр. 21.

чѣмъ достаточны; онѣ уже давно давятъ тяжелымъ бременемъ на потребительскія массы, и подъемъ ихъ посредствомъ форсированнаго экспорта не имѣетъ значенія для крестьянства.

Для потребляющихъ же классовъ пониженіе сельскохозяйственныхъ цѣнъ имѣетъ колоссальное значеніе. И не въ своихъ интересахъ эти классы могутъ осуществлять тѣ „задачи торговаго договора", какія навязываетъ имъ г. Туганъ-Барановскій. Напротивъ, для нихъ будетъ тѣмъ выгоднѣе, чѣмъ болѣе закрытъ будетъ иностранный и, въ частности, германскій рынокъ для нашихъ земледѣльческихъ продуктовъ. Чѣмъ больше этихъ продуктовъ, благодаря этому, останется въ Россіи, тѣмъ болѣе рѣзкое понижательное давленіе окажутъ они на уровень цѣнъ. И вотъ когда русскому потребителю будетъ доступенъ въ достаточномъ количествѣ отечественный хлѣбъ, мясо, молоко, яйца, масло и т. д.,—тогда у насъ будетъ особый разговоръ о сельскохозяйственной конъюнктурѣ, объ экспортѣ, объ открытіи чужеземныхъ рынковъ и объ аграрныхъ пошлинахъ европейскихъ странъ. Сейчасъ же все это не только не можетъ служить задачей экстраординарной тяжелой борьбы, но и вообще задачей нашей экономической политики. Слѣдовательно, и этотъ аргументъ либеральной „военной" системы, подобно предыдущимъ, рѣшительно никуда не годится.

Имѣется въ дѣлѣ и еще одна сторона. Жертвой германскаго аграрнаго протекціонизма является не наше сельское хозяйство, а самъ германскій народъ за вычетомъ ничтожной группы юнкеровъ и гроссбауэровъ. Германскія пошлины установлены въ интересахъ „152" аграріевъ, въ карманы которыхъ „ростовщическій" тарифъ Бюлова, согласно вычисленіямъ Зингера, кладетъ 7 милл. марокъ ежегоднаго лишняго дохода. Германской демократіи аграрныя пошлины обходятся еще

несравненно дороже, чѣмъ намъ обходится нашъ промышленный протекціонизмъ. И вся Германія давно ведетъ упорную борьбу съ пошлинами на предметы продовольствія, порождающими еще большую дороговизну жизни, чѣмъ наша. Борьба эта въ ближайшіе же годы должна кончиться побѣдой потребителя, т. е. отмѣной или рѣзкимъ пониженіемъ пошлинъ. Порукой въ томъ ростъ организованной демократіи и, въ частности, интенсивное движеніе послѣднихъ лѣтъ противъ дороговизны. Это движеніе и нынѣ является главной гарантіей, что вопросъ съ германскимъ протекціонизмомъ будетъ урегулированъ въ ближайшемъ будущемъ.

Теоретически—имѣется и еще одно средство борьбы съ германскими аграрными пошлинами: соотвѣтствующее пониженіе нашего ввозного тарифа при будущемъ договорѣ. Средство это не только единственно раціональное съ точки зрѣнія національнаго хозяйства, но и чрезвычайно простое и легкое, обезпечивающее успѣхъ навѣрняка. Но, конечно, нынѣ объ этомъ средствѣ не говоритъ ни г. Туганъ-Барановскій, ни г. Соболевъ, ни другіе экономисты, всегда раньше боровшіеся съ эксцессами отечественнаго протекціонизма.

Итакъ, резюмируемъ наши выводы о значеніи торговаго договора — въ той его части, которая касается условій нашего экспорта. Какъ мы видѣли, германскія сельскохозяйственныя пошлины, съ одной стороны, не имѣютъ сколько-нибудь существеннаго значенія для нашего вывоза—ни въ смыслѣ его размѣровъ, ни въ смыслѣ давленія на уровень цѣнъ. Съ другой стороны, поскольку пошлины играютъ роль—эта роль недолговременна; въ предѣлахъ же „сегодняшняго дня"—эта роль положительная, а не отрицательная. Такіе выводы исключаютъ всякую возможность примѣшивать вопросъ о торговомъ договорѣ къ обоснованію задачъ войны.

* * *

Торговый договоръ—не единственное орудіе торговой политики, которое порождаетъ „засилье" и „порабощеніе". За послѣднее время, особенно въ эпоху войны, у насъ пріобрѣли большую популярность также германскія вывозныя преміи, отъ которыхъ нѣтъ житья ни русской промышленности, ни русскому сельскому хозяйству. Необходимо остановиться въ двухъ словахъ на этомъ факторѣ нашего „подчиненія Германіи".

Начнемъ съ сельскаго хозяйства—съ форсированія хлѣбнаго экспорта германскими юнкерами. Къ великому вреду для нѣмецкой демократіи, аграріи, несмотря на огромный внутренній рынокъ, не довольствуются огромными ввозными пошлинами. Они стремятся расширить рынокъ за счетъ вывоза, который „поощряютъ" искусственными мѣрами въ видѣ „вывозныхъ свидѣтельствъ". Развивая свой хлѣбный экспортъ, Германія за послѣдніе годы успѣшно конкуррируетъ съ русскимъ земледѣліемъ.

Обратимся къ нѣсколькимъ цифрамъ, достаточно характеризующимъ положеніе дѣлъ:

Вывозъ.

| | Изъ Россіи. | Изъ Германіи. |
|---|---|---|
| | Пшеницы (милл. пуд.). | |
| 1903 г. . . . . . . . . | 255,0 | 11,0 |
| 1912 г. . . . . . . . . | 161,0 | 19,7 |
| | Ржи (милл. пуд.). | |
| 1903 г. . . . . . . . . | 82,2 | 12,8 |
| 1982 г. . . . . . . . . | 30,6 | 48,6 |

В в о з ъ[1]):

| | Въ Бельгію. Изъ Россіи. | Въ Бельгію. Изъ Германіи. | Въ Голландію. Изъ Россіи. | Въ Голландію. Изъ Германіи. | Во Францію. Изъ Россіи. | Во Францію. Изъ Германіи. |
|---|---|---|---|---|---|---|
| | П ш е н и ц ы (м и л л. п у д о в ъ). | | | | | |
| 1903 г. . . . | 8,9 | 0,1 | 43,7 | 0,5 | 11,0 | 0,2 |
| 1911 г. . . . | 3,6 | 1,1 | 37,4 | 7,2 | 6,6 | 4,1 |
| | Р ж и (м и л л. п у д о в ъ). | | | | | |
| 1903 г. . . . | 1,2 | 0,1 | 28,3 | 3,0 | 0,9 | 0,0 |
| 1912 г. . . . | 0,6 | 4,0 | 13,9 | 12,3 | 0,6 | 2,0 |

Наряду съ уменьшеніемъ экспорта изъ Россіи, мы видимъ вытѣсненіе русскаго хлѣба германскимъ съ цѣлаго ряда европейскихъ рынковъ. Къ этимъ рынкамъ, кромѣ названныхъ, относятся еще Швейцарія, Данія, Норвегія,—повсюду Германія увеличиваетъ свой хлѣбный экспортъ за счетъ Россіи. Но этого мало: Германія поставляетъ все больше и больше хлѣба и на внутренній русскій рынокъ:

| | Зерновыхъ хлѣбовъ (въ тыс. пудовъ). Привезено въ Россію. | Вывезено изъ Россіи. | % импорта къ экспорту |
|---|---|---|---|
| Въ среднемъ за 1899—1903 г.г. . | 2.437 | 437.624 | 0,55 |
| „ 1904—1908 „ . | 11.428 | 497.283 | 2,8 |
| „ 1909—1912 „ . | 15.240 | 664.698 | 2,3 |

Какъ же мы должны истолковать и оцѣнить это „засилье“ и какъ на него реагировать? Не подлежитъ сомнѣнію, что такое развитіе хлѣбнаго экспорта изъ высоко индустріализированной страны, въ значительной степени обусловливается системой вывозныхъ премій. Въ Германіи всякій экспортеръ хлѣба, согласно

---

[1]) Цифры взяты изъ брош. А. Рыбникова «Торговая литика Германіи и война», М. 1915.

правиламъ 1894 г., получаетъ „вывозное свидѣтельство“ на всю сумму пошлинъ, которую, по германскому тарифу, пришлось бы уплатить въ случаѣ импорта этихъ товаровъ въ Германію. Свидѣтельства эти выдаются на предъявителя и пользуются полной свободой обращенія. Экспортеръ можетъ немедленно реализовать свое свидѣтельство и получить, кромѣ продажной цѣны, еще нѣкоторую добавочную сумму, побуждающую его продавать товаръ за границу и позволяющую при этомъ выдерживать конкурренцію мѣстныхъ хозяевъ или другихъ вывозящихъ странъ. Само собой разумѣется, что для нашихъ хлѣботорговцевъ эти вывозныя преміи представляютъ совершенно „нежелательное явленіе“. Но дѣйствительно ли онѣ играютъ большую или рѣшающую роль въ германскомъ вывозѣ и въ германской успѣшной конкурренціи?

Прежде всего — русскій хлѣбъ вытѣсняется и на тѣхъ рынкахъ, гдѣ германской конкурренціи нѣтъ или она совершенно ничтожна, какъ напр., въ Англіи. Объясняется это цѣлымъ рядомъ причинъ, изъ которыхъ главная заключается въ той эволюціи цѣнъ на русскій хлѣбъ, о которой мы уже говорили. Главное достоинство русскаго хлѣба—это его дешевизна. Именно благодаря ей нашъ хлѣбъ дѣлалъ свои завоеванія на міровомъ рынкѣ. Теперь онъ эту свою силу утрачиваетъ съ каждымъ годомъ подъ вліяніемъ роста нашего внутренняго рынка. Ни ростъ урожаевъ, ни расширеніе запашекъ не поспѣваютъ за ростомъ потребностей; цѣны растутъ сильнѣе урожаевъ и парализуютъ способность нашего хлѣба къ конкурренціи на иностранныхъ рынкахъ [1]).

Конечно, въ вытѣсненіи русскаго зерна Германіи

[1]) Если мы цѣны и урожаи четырехъ главныхъ хлѣбовъ за 1891 — 1895 г.г. примемъ за 100, то въ слѣд. періоды ростъ ихъ будетъ выражаться такъ:

принадлежитъ очень незначительная роль: мы видѣли, что за 1903—1912 г.г. вывозъ русской пшеницы сократился на 94 милл. пудовъ, тогда какъ вывозъ германской увеличился всего на 8,7 милл. Въ качествѣ индустріальной и интенсивной страны, Германія, конечно, не можетъ значительно развить свой хлѣбный экспортъ; роль же ея на міровомъ хлѣбномъ рынкѣ ограничивается тѣмъ, что Германія захватываетъ своей хлѣбной торговлей пограничныя мѣстности сосѣднихъ странъ. Именно такой характеръ имѣетъ и германскій хлѣбный экспортъ къ намъ, въ Россію.

Россія вывозитъ въ Германію разныхъ хлѣбовъ больше, чѣмъ ввозитъ изъ нея, приблизительно въ 20 разъ. Понятно, что въ нѣмецкомъ хлѣбѣ мы, вообще говоря, совершенно не нуждаемся, и германскій экспортъ къ намъ предполагаетъ какія то особыя условія. Условія эти и состоятъ въ томъ, что Царство Польское, прибалтійскій край и Финляндія, не имѣя въ достаточномъ количествѣ собственнаго хлѣба, покупаютъ его, вмѣсто Рыбинска и Ельца, въ земледѣльческихъ областяхъ восточной Пруссіи, которая расположена къ нимъ въ нѣсколько разъ ближе и можетъ поставить имъ хлѣбъ съ большей для нихъ выгодой. Для самой же восточной Пруссіи также выгоднѣе не везти хлѣбъ на саксонскій рынокъ, а сбывать его по сосѣдству—въ Польшу, или, пользуясь дешевымъ морскимъ фрахтомъ—въ Финляндію... Вотъ что такое нѣмецкое засилье на почвѣ вывозныхъ сельскохозяйственныхъ премій.

---

| | Цѣны за пудъ. | Урожаи. |
|---|---|---|
| 1891—1895 г. . . . | 100 | 100 |
| 1896—1900 г. . . . | 98 | 109 |
| 1901—1905 г. . . . | 105 | 129 |
| 1906—1910 г. . . . | 133 | 129 |

См. Г. Наумовъ «Хлѣбныя пошлины», «Н. Заря». 1914, № 5.

Общее значеніе этого института для нашей хлѣбной торговли совершенно ничтожно. Но поскольку оно существуетъ, можно ли считать его для насъ безусловно невыгоднымъ? Для германской націи въ цѣломъ эти вывозныя преміи, конечно, вредны—такъ же, какъ вредно для насъ форсированіе хлѣбнаго экспорта при нашей дороговизнѣ. Но для населенія нашихъ областей, ввозящихъ германскій хлѣбъ, институтъ „вывозныхъ свидѣтельствъ" приноситъ существенную пользу, понижая хлѣбныя цѣны къ выгодѣ потребителей.

Это положительное значеніе германскихъ премій незадолго до войны было совершенно парализовано введеніемъ у насъ хлѣбныхъ пошлинъ, въ размѣрѣ 30 к. съ пуда... Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ извѣстный московскій промышленникъ, г. Крестовниковъ, желая сдѣлать благожелательный кивокъ нашему „сельскому хозяйству" (do ut des), выступилъ съ проектомъ введенія хлѣбныхъ пошлинъ для Россіи,—то этотъ курьезъ вызвалъ не мало веселья въ средѣ здравомыслящихъ людей. Житница Европы, экстенсивная земледѣльческая страна, съ огромнымъ зерновымъ экспортомъ, въ эпоху высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ—отгораживается отъ собственныхъ покупателей запретительной таможенной ставкой! Этого еще не знала экономическая исторія. Однако, курьезъ сталъ фактомъ. И населеніе нашихъ западныхъ окраинъ обложено дополнительной данью въ пользу остзейскихъ бароновъ, польскихъ магнатовъ и отечественныхъ прасоловъ... Ужъ, кажется, нечего больше желать: никакія „вывозныя свидѣтельства" не избавятъ Польшу и прибалтику отъ этой дани. Но... каждый аргументъ нынче дорогъ: ни у одного экономиста нынче не хватитъ духа отказаться отъ жупела экспортныхъ премій. И обыватель твердитъ о нихъ—все съ тѣмъ же пониманіемъ дѣла и все съ тѣми же боевыми результатами.

Почти то же слѣдуетъ сказать и о вывозныхъ преміяхъ—прямыхъ и косвенныхъ, явныхъ и тайныхъ—выдаваемыхъ германскими синдикатами при экспортѣ продуктовъ германской обрабатывающей (и добывающей) промышленности. Преміи эти, несомнѣнно, получили огромное развитіе. Такъ же несомнѣнно, что онѣ являются могучимъ средствомъ искусственнаго форсированія экспорта и конкурренціи на иностранныхъ рынкахъ (въ томъ числѣ на русскомъ).

Какъ же проявляются результаты этой системы, и кому приноситъ она добро и зло?—Преміи, выдаваемыя синдикатами, даютъ возможность продавать продукты германскаго производства по чрезвычайно низкой цѣнѣ: этимъ и открываются иностранные рынки, увеличивая германскій экспортъ въ огромной степени. На заграничные рынки синдикаты, напр., выбрасывали рельсы на 40% дешевле, чѣмъ продавали внутри Германіи; уголь и коксъ иногда продаются за границей вдвое дешевле, чѣмъ внутреннему потребителю; цѣны на чугунъ и желѣзо понижались для внѣшнихъ рынковъ на 35—40% сравнительно съ внутренними цѣнами и т. д. За первые 5 мѣс. своей дѣятельности рейнсковестфальскій синдикатъ выплатилъ 644 тыс. марокъ вывозныхъ премій; въ 1897 эта сумма достигла 17 милл. марокъ [1]).

Откуда берутся суммы для такого рода уплатъ? — Суммы эти собираются при помощи процентнаго обложенія стоимости сбыта синдиката или путемъ самообложенія по инымъ принципамъ. Понятно, что суммы эти входятъ въ цѣну производства и собираются съ внутренняго потребителя. Цѣны на внѣшнихъ рынкахъ понижаются за счетъ повышенія ихъ

[1]) См. І. М. Гольдштейнъ, «Война, синдикаты, русскій экспортъ и наши торговые договоры». М. 1915.

сверхъ „цѣны производства“ на внутреннихъ рынкахъ [1]). Отсюда совершенно ясно, для кого вредны и кому полезны синдикатскія вывозныя преміи.

Онѣ выгодны германскимъ синдикатчикамъ и страшны ихъ иноземнымъ конкуррентамъ — промышленникамъ, производящимъ „премированные“ продукты внѣ Германіи. Онѣ вредны германскому потребителю и полезны потребителю ввозящихъ странъ. Если ввозящая страна ведетъ протекціонистскую политику, то синдикатскія преміи имѣютъ значеніе средства, парализующаго этотъ протекціонизмъ. Если страна страдаетъ отъ неумѣреннаго „покровительства“, то такія средства для нея полезны. Въ данномъ случаѣ синдикатскія преміи нерѣдко практикуются именно для обхода нашихъ таможенныхъ загражденій, для оплаты нашихъ пошлинъ. Но, къ сожалѣнію, наши ставки настолько велики, что за счетъ премій можно оплатить только ихъ небольшую часть; и дань германскаго потребителя все же не позволяетъ довести пониженіе цѣнъ на русскомъ внутреннемъ рынкѣ до такого уровня, какой былъ бы желателенъ съ точки зрѣнія общенаціональныхъ интересовъ. Вотъ что такое нѣмецкое засилье на почвѣ синдикатскихъ вывозныхъ премій.

„Нѣмцы, — пишетъ г. Гольдштейнъ, — въ состояніи продавать свои желѣзныя издѣлія на иностранныхъ и въ томъ числѣ на русскихъ рынкахъ, въ среднемъ, по крайней мѣрѣ на 20—25 коп. съ пуда дешевле, чѣмъ они могли бы это дѣлать безъ синдикатскихъ организацій и выплачиваемыхъ послѣдними вывозныхъ премій“. Слѣдовательно, „естественная“ цѣна этихъ желѣзныхъ издѣлій—на 20—25 коп. выше синдикатской. По этой „естественной“ цѣнѣ, если угодно, съ надбавкой

---

[1]) Цѣна производства, согласно терминологіи Маркса, какъ извѣстно, есть издержки производства плюсъ средняя прибыль.

въ 5—10 коп. на нашу отсталость, и было бы желательно предоставить продуктъ русскому потребителю. Пошлина же наша на желѣзныя издѣлія, за вычетомъ конвенціонныхъ скидокъ по договору 1904 г., равняется 2 руб. 10 коп.—4 руб. 20 коп. съ пуда. Ну, какъ же, послѣ этого, не засилье! Какъ же было не поспѣшить г-ну Гольдштейну съ проектомъ дополнительныхъ пошлинъ—для борьбы съ преміями...

Повидимому, сказаннаго достаточно. Все ясно. Наше „порабощеніе" посредствомъ синдикатскихъ премій ничѣмъ не отличается отъ „засилья" на почвѣ конвенціонныхъ скидокъ съ общаго ввозного тарифа. И дальнѣйшіе комментаріи совершенно излишни. Мы хорошо знаемъ теперь, что скрываютъ за собой „оборонительные" и „освободительные" лозунги въ области экономики. И мы знаемъ, чьи интересы беретъ подъ свою защиту обыватель, повторяя за либеральными экономистами эти лозунги, воспринимая это готтентотское пониманіе задачъ великой войны.

* * *

Мы обратимся теперь къ „матеріальному смыслу" войны въ области „мировыхъ" экономическихъ задачъ. Наша наличная „лѣвая" пресса обсуждаетъ эти задачи съ гораздо большимъ рвеніемъ, чѣмъ правая печать, которая держится и болѣе спокойно, и болѣе нейтрально, и, пожалуй, болѣе трезво.

Либеральный имперіализмъ, прикрытый по традиціи толстымъ слоемъ фиговыхъ листьевъ, вдругъ, черезъ военный кратеръ, бурно вырвался наружу. И вдругъ пошелъ играть va banque. Какъ изъ подъ земли явились такія „національныя задачи", какія было не подъ силу „разработать" нашимъ право-буржуазнымъ группамъ, менѣе искушеннымъ въ тонкостяхъ міровой политики и болѣе тяжелымъ на подъемъ. Теперь увле-

чены лѣвыми друзьями и эти группы,—соблазненъ обыватель. Приходится очень пожалѣть о томъ, что у насъ нѣтъ возможности остановиться сколько-нибудь обстоятельно на этой категоріи нашихъ „національныхъ" задачъ, — показать, къ чему бы пришли мы, если бы въ настоящей войнѣ дѣйствительно поставили себѣ тѣ цѣли, которыя стремятся осуществить либеральныя группы за счетъ народа.

Уже было выше указано, что нашъ дѣйственный либерализмъ относится не безъ опаски къ духовно-византійско-метафизическому обоснованію россійскаго имперіализма. Эпигоны нашего панславизма, исходящіе въ своихъ разсужденіяхъ изъ мессіанскихъ свойствъ „души Россіи",—люди очень ненадежные въ политикѣ. Иногда они помогутъ по части сокрытія мыслей; но нерѣдко только напортятъ и дискредитируютъ хитро разработанные планы „реальнаго" имперіализма. Поэтому, не надо удивляться, что рыцарскій тонъ по временамъ измѣняетъ либеральнымъ политикамъ, и мы слышимъ довольно недвусмысленные окрики по адресу „Репетиловыхъ славянофильства" и „барабанщиковъ-трубачей разныхъ славянскихъ трапезъ и собесѣдованій". Во всякомъ случаѣ г. Милюковъ, въ одной изъ своихъ публичныхъ лекцій прямо рекомендовалъ слушателямъ не увлекаться славянско-византійскими мотивами, а разсматривать наши задачи исключительно въ свѣтѣ трезво понятыхъ реальныхъ интересовъ отечественной политики, промышленности и торговли. За словами о Святой Руси у г. Милюкова стоитъ дѣло Великой Россіи; вмѣсто Св. Софіи и Царьграда онъ говоритъ о проливахъ и Константинополѣ съ Hinterland'омъ; махнувъ рукой на „русскій народный процессъ" и миссію славянства, онъ разрабатываетъ вопросъ о „сферахъ вліянія".

Спорить съ г. Милюковымъ и его друзьями мы здѣсь

опять таки не собираемся. Имперіализмъ есть имперіализмъ и говоритъ самъ за себя. Могій вмѣстити, да вмѣститъ,—не могій... тѣмъ лучше. Не станемъ мы разсуждать и о самой необходимости осуществленія данныхъ національныхъ задачъ. Мы только хотимъ посмотрѣть, какъ обосновываютъ эту необходимость наши либералы. Съ какимъ багажемъ берутъ они на себя великую отвѣтственность?

„Присоединеніе къ Россіи германскихъ и австрійскихъ территорій не можетъ обѣщать намъ особенно значительныхъ экономическихъ выгодъ“, — признаетъ г. Туганъ-Барановскій [1]). Территоріальныя пріобрѣтенія со стороны Закавказья или въ Галиціи, о которыхъ пишетъ г. Милюковъ [2]), связаны съ „освобожденіемъ малыхъ народовъ“ и имѣютъ чисто политическое значеніе. Этотъ политическій имперіализмъ имѣетъ, какъ говорятъ намъ, „духовный смыслъ“, и сейчасъ онъ насъ не интересуетъ.

Мы хотимъ сейчасъ вникнуть въ существо либеральнаго экономическаго имперіализма, который, повидимому, долженъ предполагать пріобрѣтеніе политическими средствами (въ данномъ случаѣ военной силой) экономическаго „вліянія“ въ чужихъ странахъ, то есть внѣшнихъ рынковъ для капиталовъ и товаровъ... Вообще говоря, позиція нашихъ либераловъ въ этомъ отношеніи должна a priori считаться крайне шаткой. Не легкое дѣло — доказать наше равноправіе со старыми капиталистическими странами въ соперничествѣ на внѣшнихъ рынкахъ. Съ одной стороны, наша молодая экономика не сможетъ оправдать политическихъ пріобрѣтеній; съ другой—и при развитомъ капитализмѣ

---

[1]) См. тотъ же сборникъ, стр. 23. Ср. цитированныя выше слова Евг. Трубецкого о вредѣ для насъ территоріальныхъ завоеваній.

[2]) См. сб. „Чего ждетъ Россія отъ войны“—«Территоріальныя пріобрѣтенія России».

наше положеніе было бы исключительно благопріятно безъ всякихъ внѣшнихъ „сферъ вліянія“: у насъ внутри страны имѣются и необъятныя колоніи и неисчислимыя богатства, вполнѣ достаточныя для того, чтобы сдѣлать изъ Россіи со временемъ „автономную“ экономическую единицу. Для насъ экономическій имперіализмъ никогда не сможетъ имѣть того „оправданія“, какое онъ имѣетъ въ старыхъ странахъ Европы.

И все же, мало сочувствуя, мы хорошо понимаемъ, что хочетъ сказать намъ „марксистъ“ - демократъ Финъ - Енотаевскій, когда онъ обосновываетъ „военную“ позицію между прочимъ борьбой за персидскій рынокъ [1]). Мы понимаемъ также, когда намъ говорятъ о „нашихъ жизненныхъ интересахъ на дальнемъ востокѣ“. Правда, аргументы и выводы слабы съ общенаціональной точки зрѣнія, но они могутъ имѣть подобіе убѣдительности съ точки зрѣнія узкогрупповой.—Въ данномъ случаѣ, однако, рѣчь идетъ не о Персіи, гдѣ мы должны вырабатывать modus vivendi съ союзной Англіей; и не о дальнемъ востокѣ, гдѣ русскій имперіализмъ, напротивъ, очистилъ поле сраженія именно въ силу „задачъ“ настоящей войны. Въ данномъ случаѣ все вниманіе нашихъ либеральныхъ имперіалистовъ устремлено на ближній востокъ — въ ущербъ всѣмъ другимъ имперіалистскимъ же задачамъ. И посмотрите, при всей неистовости воплей, какъ безпомощенъ, малограмотенъ, противорѣчивъ нашъ либерализмъ въ сферѣ фактическаго и логическаго обоснованія. Посмотрите, какъ жалокъ его багажъ, какъ бросается онъ изъ стороны въ сторону, стараясь тутъ же на публикѣ отыскать самого себя и понять, чего онъ собственно хочетъ. Бремя отвѣтственности

---

[1]) См. «Современный Міръ». № 10 за 1914 г. «Экономическія причины войны».

онъ на себя взялъ; но бремя членораздѣльнаго доказательства оказалось ему не по плечамъ.

„Вступленіе Турціи въ число нашихъ враговъ,—пишетъ лидеръ нашего практическаго либерализма, слова котораго надлежитъ разсматривать, какъ своего рода документы, — дало возможность поставить на очередь окончательное разрѣшеніе вѣковыхъ задачъ нашей ближневосточной политики. Цѣлью ея въ настоящее время должно быть сдѣлано пріобрѣтеніе Босфора и Дарданеллъ въ полное обладаніе Россіи вмѣстѣ съ Константинополемъ и достаточной частью прилегающихъ береговъ, чтобы обезпечить защиту проливовъ“ [1]. Почтенный профессоръ и будущій премьеръ, повидимому, выражается не совсѣмъ точно: завоеванія, о которыхъ онъ ведетъ рѣчь, повидимому, суть все таки не „цѣль“, а средство; иначе это уже выходило бы слишкомъ „здорово живешь“—и безъ духовнаго, и безъ матеріальнаго смысла. Вѣдь не мѣшало бы все таки вспомнить, что въ Константинополѣ какъ-ни-какъ имѣется населеніе и при томъ составляющее господствующую національность; если г. Милюковъ, принеся неслыханныя жертвы, претерпѣвъ ущербъ даже въ своихъ собственныхъ имперіалистскихъ интересахъ, желаетъ это населеніе „освободить“ (конечно, въ соотвѣтствіи съ идеалистическими цѣлями войны), то все это, надо думать, предпринимается не „здорово живешь“, а для достиженія нѣкоторыхъ особыхъ національно-государственыхъ благъ. Хоть для простого приличія либераламъ не слѣдовало бы выставлять овладѣніе Константинополемъ „цѣлью“ и надлежало бы приложить всѣ усилія къ самой всесторонней мотивировки, къ самому тщательному изысканію смысла своего лозунга. Но, можетъ быть, мы придираемся къ словамъ.

[1]) См. «Чего ждетъ Россія отъ войны», стр. 57.

Вѣдь пишутъ же что-нибудь въ свое „оправданіе“ отвѣтственные кадетскіе публицисты. Да,—вотъ, напр., что пишетъ тотъ же г. Милюковъ о смыслѣ предлагаемой аннексіи:

„Слѣдовало бы освободить наши законныя національныя желанія, вызываемыя объективной необходимостью, отъ всѣхъ многолѣтнихъ наслоеній націоналистической идеологіи. Желанія эти такъ прочно срослись съ идеей и именемъ „Царьграда“, что многимъ, какъ друзьямъ, такъ и противникамъ этой идеологіи кажутся нераздѣльной частью идеи, неразрывно и органически съ нею связанной... Надо, чтобы наши союзники поняли, что нашъ жизненный интересъ и насущная потребность въ обладаніи проливами ничего не имѣютъ общаго ни съ пугаломъ „панславизма“, которымъ націоналисты „пангерманства“ запугивали Европу, ни съ завоевательными тенденціями, которымъ съ полнымъ основаніемъ хотятъ положить предѣлъ сторонники будущаго организованнаго мира Европы. Владѣніе Константинополемъ и проливами есть конецъ, а не начало. И вмѣстѣ съ другими окончательными ликвидаціями старыхъ запутанныхъ проблемъ, связанныхъ съ гордіевымъ узломъ турецкаго наслѣдства, ликвидація вопроса о проливахъ дастъ возможность торжественно отнести въ святилище исторіи такъ долго мучившій Европу «Восточный вопросъ»“ [1]).

Г. Милюковъ открещивается отъ націоналистическаго панславизма. Это мы знаемъ. Можетъ быть, этому повѣрятъ и наши союзники. Но никогда они не повѣрятъ, что наше „владѣніе Константинополемъ есть конецъ, а не начало“. Какъ бы „торжественно“ ни говорилъ г. Милюковъ, этому они никогда не повѣрятъ. И

[1]) См. другой сборникъ «Вопросы міровой войны», ст. «Нейтрализація Дарданеллъ и Босфора» стр. 548, ПГ. 1915.

уже дѣлали недвусмысленныя указанія на то, какъ они относятся къ кадетскому способу отнесенія восточнаго вопроса въ святилище исторіи. Указанія были настолько недвусмысленны, что въ цитированной статьѣ г. Милюковъ трубитъ отбой, подставляя вмѣсто „полнаго обладанія" заковыченную „нейтрализацію" — „узкаго типа"... Тутъ то собственно и заключается та пропасть въ какую желаютъ ввергнуть насъ друзья г. Милюкова—крича въ то же время о „войнѣ за миръ". „Законныя національныя желанія", въ толкованіи кадетскихъ политиковъ, — не только могутъ осуществиться невѣроятно тяжелыми средствами, но и будутъ имѣть такіе результаты, которые и не снились легковѣрному обывателю. Останавливаться на этомъ мы не можемъ.

Но объяснилъ ли намъ г. Милюковъ смыслъ своихъ имперіалистскихъ лозунговъ? На вопросъ, въ чемъ дѣло, почему и зачѣмъ, онъ отвѣтилъ: въ этомъ „наши законныя національныя желанія, вызванныя объективной необходимостью"; въ этомъ „нашъ жизненный интересъ и насущная потребность". Но какая же объективная необходимость? Почему—жизненный интересъ, о коемъ обывателю ничего не было неизвѣстно? Можетъ быть, все это и такъ, но разъясните, въ чемъ заключается наша насущная потребность? Существуютъ вообще объясненія или нѣтъ, но, повидимому, не для многихъ они убѣдительны. А потому—лучше не идти съ обывателемъ дальше хорошихъ словъ. Правда, у г. Милюкова есть и конкретное объясненіе, къ которому мы обратимся ниже. Но типичной мотивировкой военной либеральной программы являются именно голыя общія мѣста.

Тождественное „обоснованіе" ближне - восточныхъ лозунговъ мы встрѣтимъ и у другихъ столповъ нашего либерализма. Вотъ, напр., аналогичная „словес-

ность“ второго кадетскаго авторитета по части внѣшней политики, профессора С. А. Котляревскаго; она немного пропитана мистико-славянофильскимъ елеемъ, но „существо“ ея то же, что и у лидера дѣйствующей кадетской арміи. Намъ жаль мѣста для воспроизведенія образцовъ этой литературы; но обратитесь къ статьѣ г. Котляревскаго „Россія и Константинополь“ („Рус. Мысль“, апрѣль, 1915),—вы увидите крокодила, проливающаго слезы умиленія, но вы не услышите ни одного „реальнаго“ довода, ни одного конкретнаго указанія, въ чемъ именно „жизненный интересъ“, зачѣмъ именно нужны эти „искупительныя“ жертвы.

Быть можетъ, эти „насущныя потребности“ намъ разъяснятъ либеральные экономисты. Имъ вѣдь и книги въ руки при выясненіи реальныхъ нуждъ народа и государства. И, конечно, г. Туганъ-Барановскій не оставилъ обывателя безъ разъясненій, для чего надо рѣшить въ кадетскомъ духѣ проблему ближне-восточной политики. Присоединеніе германскихъ территорій, онъ, какъ мы знаемъ, не считаетъ важнымъ. „Гораздо важнѣе въ экономическомъ отношеніи разрѣшеніе русскихъ историческихъ задачъ на ближнемъ востокѣ. Историческое стремленіе Россіи къ открытію свободнаго выхода изъ Чернаго моря обѣщаетъ на этотъ разъ увѣнчаться полнымъ успѣхомъ, и это откроетъ блестящія перспективы для экономическаго развитія всего нашего юга. Именно въ этомъ направленіи Россія и можетъ получить достойную награду за всѣ понесенныя ею въ эту невѣроятно-тяжелую войну великія жертвы“ [1]). Вотъ это называется — быка за рога. Вотъ теперь мы поймемъ, въ чемъ дѣло. Если человѣкъ прямо говоритъ: достойная награда за невѣроятныя жертвы, то онъ, конечно, сейчасъ же и объяснитъ, въ

1) См. сб. «Чего ждетъ Россія отъ войны», стр. 23.

чемъ состоитъ эта награда,—въ чемъ блестящія перспективы для „всего юга" и т. д... Повѣритъ ли, однако, читатель, что дальше цитированныхъ словъ въ статьѣ нѣтъ ничего, кромѣ знаменитой подписи, а выше не было сказано ни полъ-слова о „задачахъ на ближнемъ востокѣ"?.. Свободный выходъ изъ Чернаго моря? Но г. Туганъ-Барановскій просто смѣется надъ обывателемъ. Вѣдь это только въ самомъ началѣ самые наивные люди пытались давать дѣлу подобное объясненіе. А теперь это давно оставлено, и не присяжному кадетскому экономисту повторять эти пустяки въ программныхъ сборникахъ. Кому же неизвѣстно теперь, что въ мирное время „свободный выходъ" обезпечивала и Турція, обезпечитъ и Греція, и Болгарія, и „нейтрализація", какъ „узкая", такъ и „широкая"; въ военное же время его не обезпечитъ ни самая узкая нейтрализація, ни „полное владѣніе", — ибо блокада проливовъ доступна самому микроскопическому врагу [1] ... Никакихъ новыхъ перспективъ развитію „всего юга" кадетская программа не открываетъ. Великій грѣхъ беретъ на свою душу господинъ Туганъ...

Мы подошли къ послѣднему слову. Его нынѣ можно считать офиціальнымъ кадетскимъ обоснованіемъ „проливовъ", и выше его нашему либерализму, очевидно, не удастся прыгнуть, какъ выше собственныхъ ушей. Къ нему сводятся всѣ наши жизненные интересы и насущныя потребности. „Что, собственно, нужно

---

[1]) «Это совершенный вздоръ, — возражаетъ мнѣ г. Струве, — ибо находясь въ союзѣ съ Франціей и Англіей, Россія можетъ совершенно свободно обладать проливами». («Рус. М.» ноябрь 1915 г.). Т. е., г. Струве полагаетъ, что послѣ «войны за міръ» (послѣ разгрома Германіи и Турціи) будетъ все «военное время». Съ Франціей же и Англіей будетъ союзъ. Ума не приложу — съ кѣмъ же будетъ воевать г. Струве?.. А все таки не быть ему Талейраномъ: висятъ концы, да и только... См. дальше.

Россiи въ проливахъ?" — спрашиваетъ г. Милюковъ, и отвѣчаетъ: „русская точка зрѣнiя во всей своей полнотѣ, какая была возможна при сохраненiи европейской Турцiи, высказана была неоднократно передъ тѣмъ, какъ Европа взяла восточный вопросъ подъ свою коллективную опеку... Общiй смыслъ ея заключается въ томъ, что Черное море должно быть охраняемо отъ входа иностранныхъ военныхъ судовъ черезъ проливы, тогда какъ русскiя военныя суда должны имѣть свободный выходъ" [1])... Можетъ быть, читатель испытываетъ великое разочарованiе и скажетъ: гора родила мышь. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, „гордiевъ узелъ", запутанныя вѣковыя проблемы, роковой „восточный вопросъ", лежавшiй камнемъ на Европѣ; съ другой стороны, всемiрный пожаръ, совершенно сверхъ-естественныя трудности и жертвы. И вдругъ — такая миніатюрная цѣль, какая казалась достижимой даже при сохраненiи европейской Турцiи подъ коллективной опекой Европы! Цѣль „Константинополя и проливовъ", въ пониманiи г. Милюкова, какъ видимъ, просто на просто стратегическая. Отколь и какъ они ни заходили къ вопросу, но никакой иной лазейки въ концѣ концовъ не нашли.

Однако, пусть читатель не спѣшитъ разочаровываться упрощенностью кадетскаго рѣшенiя и жалкими результатами кадетскаго „оправданiя" ближне-восточныхъ „задачъ". Напротивъ, дѣло прiобрѣтаетъ совершенно умопомрачительную сложность, почти недоступную пониманiю простыхъ смертныхъ. Вы только вникните: „война за миръ", ликвидирующая вѣковые „проклятые вопросы", преслѣдуетъ конкретную стратегическую цѣль. Это, согласно увѣренiямъ г. Милюкова, и будетъ „конецъ". Достигнувъ этого конца и этой

---

[1]) «Вопросы мiровой войны», стр. 543.

стратегической цѣли, мы съ гораздо большимъ успѣхомъ будемъ рѣшать проклятые вопросы и воевать за миръ. И, конечно, мы его завоюемъ, разрѣшивъ проклятые вопросы укрѣпленіемъ на новыхъ стратегическихъ позиціяхъ. И вотъ тогда ужъ окончательно наступитъ конецъ, такъ какъ рѣшеніе проклятыхъ вопросовъ будетъ обезпечено, и побѣдоносная война за миръ... Впрочемъ, мы, кажется, немного запутались: я говорю—это не всякому уму подъ силу. И при томъ намъ пора съ этимъ кончать, такъ какъ стратегическія позиціи г. Милюкова находятся подъ прикрытіемъ особыхъ батарей. Можетъ быть, читатель ужъ самъ отыщетъ здѣсь начала и концы.

Правда, попытка не пытка. Мы можемъ обратиться еще къ одному автору—также крайне авторитетному.

Темпераментъ кн. Евг. Трубецкого—врагъ его, а особенно врагъ г. Милюкова. Кадетскій лидеръ, на второй годъ войны, напр., въ своей „внутренней политикѣ“, какъ извѣстно, задался цѣлью перехитрить самого себя, и ему конечно, должны быть не по душѣ всякія неосторожныя выраженія и излишнее открытіе картъ. Но, быть можетъ, намъ темпераментъ Евг. Трубецкаго поможетъ хоть что-нибудь понять въ этомъ темномъ дѣлѣ. „Совершенно очевидно,—пишетъ этотъ талантливый публицистъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“,—что нейтрализовать проливы, значитъ, создавать для насъ полную — и экономическую и политическую зависимость отъ Германіи“ (ср. точку зрѣнія Милюкова, изложенную выше)... „Сдѣлаемъ ли мы проливы нейтральными, оставимъ ли мы ихъ турецкими или отдадимъ ихъ какой-нибудь маленькой державѣ—напр., Болгаріи—все равно, мы этимъ неизбѣжно подчинимъ ихъ въ будущемъ враждебной намъ державѣ, т. е. Германіи... Неужели же въ результѣ той окончательной побѣды, на которую мы надѣемся, мы помиримся съ возможностью

появленія у нашихъ черноморскихъ береговъ могущественной эскадры въ десятка два дредноутовъ! Россія должна имѣть возможность силой оружія воспрепятствовать плаванію въ тѣхъ же (Черномъ и Мраморномъ) моряхъ военныхъ судовъ всякой другой державы".

Никакой новой точки зрѣнія здѣсь нѣтъ. Трубецкой Милюкову не противорѣчитъ: цѣль остается чисто стратегической, и иллюстрирована она очень картинно. Но мы ошиблись въ разсчетѣ: мы не только не получили новыхъ общихъ разъясненій, но не поймемъ ничего и въ индивидуальныхъ комментаріяхъ кн. Трубецкого. Всѣмъ извѣстно, что „окончательная побѣда, на которую мы надѣемся", должна устранить угрозу со стороны Германіи. Какими путями она подчинитъ себѣ послѣ разгрома турецкіе, болгарскіе или нейтральные проливы? Какая „зависимость"? Чьи дредноуты?.. Здѣсь мы ничего не поймемъ. Но все же разсужденія кн. Трубецкого сослужили намъ службу. Темпераментъ его обнаружилъ, что если мы ничего не понимаемъ, то либеральные публицисты, говоря о десяткахъ не-германскихъ дредноутовъ, отлично понимаютъ положеніе дѣлъ, сознательно скрывая его отъ несчастнаго обывателя; тѣ пропасти, куда влекутъ насъ ихъ неистовые вопли, они отлично видятъ и хотятъ превратить ихъ въ волчьи ямы, замаскировавъ ихъ покровомъ хоть и высокихъ, но нелѣпыхъ, не имѣющихъ элементарнаго смысла словъ.

Насколько недобросовѣстна, небрежна, сшита бѣлыми нитками, проникнута полнымъ презрѣніемъ къ „обывателю" вся либерально-имперіалистская „концепція", можно видѣть хотя бы изъ слѣдующаго разсужденія г. Милюкова. Онъ, видите ли, высказывается въ пользу „болѣе узкаго рѣшенія армянскаго вопроса",— т. е. безъ включенія Малой Арменіи въ территорію бу-

дущей области. Оказывается, такое рѣшеніе невыгодно и опасно „съ русской точки зрѣнія“. Оно „широко открываетъ Арменію международному соперничеству, какъ экономическому, и такъ и политическому... Связь съ Россіей неизбѣжно становиться менѣе тѣсной. Въ то же время обязанность защищать расширенную Арменію дѣлается болѣе тяжелой. И, наконецъ, появленіе Россіи въ Средиземномъ морѣ ставитъ новыя задачи русскому военному флоту, не оправдываемыя современнымъ состояніемъ русской внѣшней торговли. Все это не можетъ не отражаться на отягощеніи русскаго плательщика, совершенно непропорціонально выгодамъ, которыя Россія можетъ непосредственно извлечь изъ такого расширенія своей сферы вліянія“ [1])... Не правда ли, нѣкоторыя раціональныя соображенія г. Милюкову въ принципѣ не чужды? Какъ же хватило у него... смѣлости—не направить всѣхъ этихъ простыхъ аргументовъ по собственному адресу или, по крайней мѣрѣ, не приложить всѣхъ усилій къ доказательству ихъ непригодности для „ближняго востока“? Какъ же у тончайшихъ дипломатовъ не хватаетъ на столько осторожности, чтобы немного лучше прятать отъ обывателя свои волчьи зубы за своимъ лисьимъ хвостомъ? Какъ у всѣхъ у нихъ не хватаетъ совѣсти настолько, чтобы воздержаться отъ выступленій съ такимъ багажемъ въ такой моментъ и въ такомъ дѣлѣ?..

* * *

Мы обозрѣли длинную цѣпь аргументовъ, познакомились съ „идеологіей“ войны, развитой въ нашей „лѣвой“ печати. Мы, конечно, не исчерпали всѣхъ аргументовъ, которыми лѣвыя группы мотивируютъ свое „пріятіе войны“. Въ частности, мы не остановились

[1]) См. «Чего ждетъ Россія отъ войны», стр. 61.

спеціально на угрозахъ территоріальныхъ уступокъ, на самостоятельной роли національно-государственнаго принципа, подлежащаго защитѣ, и т. п. [1]). Но косвенная оцѣнка такого рода соображеній можетъ быть ясна и изъ всего сказаннаго выше. „Война,—какъ говорилъ намъ одинъ цитированный выше либералъ,—была принята и оправдана передъ судомъ неосвященныхъ сознаніемъ глубинъ личности"; въ разсмотрѣнныхъ аргументахъ наша лѣвая мысль пыталась перевести это рѣшеніе на языкъ разума; „идеологія" войны пыталась post factum представить намъ систему дѣйствительныхъ національныхъ задачъ и интересовъ. И несомнѣнно, что лѣвая публицистика, философія и экономія оказались здѣсь полными банкротами. Онѣ не виноваты, что эмоціи застали ихъ врасплохъ, что онѣ попали во власть головокружительныхъ событій, что онѣ не справились съ задачей, нагрянувшей на нихъ, какъ снѣгъ на голову. Не въ этомъ они виноваты. Они виноваты въ томъ, что, не съумѣвъ свести концы съ концами, они не съ меньшимъ рвеніемъ бьютъ въ колокола и сзываютъ старыхъ прихожанъ подъ свои новыя колокольни.

Выше мы подробно остановились на томъ, что цѣли, задачи и смыслъ войны были съ полной опредѣленностью указаны въ словахъ Высочайшаго Манифеста. Вся разсмотрѣнная „идеологія войны была развита лѣвыми группами уже во время войны. Но все это „углубленіе", всѣ эти „дополненія", всѣ эти вновь измышленныя „лѣвыми группами" „національныя задачи"—совершенно несостоятельны по существу и крайне вредны по возможнымъ послѣдствіямъ...

Принципы, указанныя въ словахъ Высочайшаго Манифеста, идея національной обороны, охрана цѣ-

---

[1]) Точка зрѣнія автора на эти вопросы до извѣстной степени выражена въ другой моей брошюрѣ, названной выше.

лости и нераздѣльности имперіи и ея территоріальныхъ границъ, защита политическаго и экономическаго status quo—все это явленія совершенно иного порядка. Значеніе ихъ иное сравнительно съ разсмотрѣнными выше активными національными задачами, которыя желаютъ приписать войнѣ либеральные комментаторы... Противъ принциповъ, выставленныхъ въ Высочайшемъ Манифестѣ, никакихъ споровъ быть конечно не можетъ. Они имѣютъ абсолютное значеніе для каждаго носителя національно-государственной идеи.

# Издательство „ПРИБОЙ“.

| | коп. |
|---|---|
| Б. Г. Данскій. Страховая компанія . . . . . . . | 20 |
| Страхованіе Рабочихъ въ Россіи и на Западѣ, подъ редакціей Б. Г. Данскаго. Вып. 1-й | 175 |
| Вып. 3-й | 150 |
| А. И. Предкальнъ. Мытарства страх. закон. (2 изд.) | 10 |
| Б. Соловьевъ. Леченіе раб. по зак. 23 іюня 1912 г. (2 изд.) . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . | 15 |
| Б. Соловьевъ. Больничныя кассы . . . . . . . | 3 |
| Б. Соловьевъ. Бойкотъ больничныхъ кассъ . . | 3 |
| Ольга Сольская. Работница и страхованіе (3 изд.) | 5 |
| А. Кожебаткинъ. Больн. кассы горныхъ и горнозав. рабочихъ . . . . . . . . . . . . . . . . | 5 |
| Б. Соловьевъ. Горнорабочіе и страхованіе . . . | 2 |
| Докторъ В-въ. Общая больничн. касса и врачебная помощь . . . . . . . . . . . . . . . . | 2 |
| Д. С. Р. Рабочій уставъ больн. кассы (3 изд.) . . . | 20 |
| Уставъ общегородской Петербургской кассы . | 6 |
| Г. Шульцъ. Лейпцигская больничная касса . . . | 2 |
| Г. Шульцъ. Страхованіе въ Англіи и у насъ . . | 2 |
| Ф. Штурмъ. Фабричные больничн. кассы въ Германіи | 2 |
| Вивъ. Правила для участниковъ кассы . . . . . . | 2 |
| А. Богдановъ. Введеніе въ политическую экономію. | 40 |
| К. Сталинъ. Національный вопросъ и марксизмъ. | 25 |
| Отто Рюле. Основные вопросы воспитанія . . . | 60 |
| С. Петровъ. Правда и ложь о евреяхъ . . . . . | 7 |
| Г. Зиновьевъ. Свобода коалиціи . . . . . . . . | 3 |
| Г. Зиновьевъ. Вокругъ свободы печати . . . . | 3 |
| М. Горькій. Вездѣсущее . . . . . . . . . . . . | 3 |
| Ю. Стекловъ. Рабочее движеніе во Франціи . . | 5 |
| В. Невскій. Доля шахтера . . . . . . . . . . . | 5 |
| Сборникъ пролетарскихъ писателей, книга 1-я; съ предисловіемъ М. Горькаго . . | 40 |
| Г. Цыперовичъ. Синдикаты и тресты . . . . . . | 15 |
| Вивъ. Трудъ и здоровье рабочихъ. . . . . . . . | 35 |

*При заказахъ необходимо высылать задатокъ въ одну треть стоимости заказа, а на небольшія суммы—всю стоимость заказа. До одного рубля—можно марками.*

**Складъ изданій из-ва «ПРИБОЙ» въ конт. журн. «ВОПРОСЫ СТРАХОВАНІЯ» (Загородный, 17, кв. 63) и въ кн. складѣ «ОГНИ». (Петроградъ, Фонтанка 80, кв. 2).**

50 коп.

## Новыя книги:

### Ник. СУХАНОВЪ.

**Къ кризису соціализма** (По поводу «военныхъ» выступленій Г. В. Плеханова). Изд. 2-е. Петроградъ. 1916 г. Цѣна 30 к.

**Наши направленія** (Сборникъ статей о марксизмѣ и народничествѣ). Петроградъ. 1916 г. Цѣна 80 к.

**Очерки по вопросамъ народнаго хозяйства** (печатается). Петроградъ. 1916 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Складъ изданій въ кн. маг. Яснаго (бывш. М. В. ПОПОВА).
Петроградъ, Невскій просп., 66.

### ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

**Земельная рента и основы земельнаго обложенія.** Съ предисл. **В. Чернова.** Москва, 1908 г. Цѣна 85 к.

**Къ вопросу объ эволюціи сельскаго хозяйства** (Соціальныя отношенія въ крестьянскомъ хозяйствѣ Россіи). Москва, 1909 г. Цѣна 2 руб.

Складъ въ книжномъ магазинѣ „НАУКА“,
Москва, Б. Никитская, 10.

